

НАУЧНЫЙ ЦЕНТР «АЭТЕРНА»

**ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции
31 января 2015 г.**

**Уфа
АЭТЕРНА
2015**

УДК 00(082)
ББК 65.26
П 33

*Ответственный редактор:
Сукиасян А.А., к.э.н., ст. преп.;*

**П 33 ПРОБЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА:** сборник статей Международной научно-
практической конференции (31 января 2015 г., г. Уфа). - Уфа: Аэтерна, 2015.
– 56 с.
ISBN 978-5-906790-03-3

Настоящий сборник составлен по материалам Международной научно-практической конференции **«ПРОБЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»**, состоявшейся 31 января 2015 г., г. Уфа.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 00(082)
ББК 65.26

ISBN 978-5-906790-03-3

© Коллектив авторов, 2015
© ООО «Аэтерна», 2015

О.И. Биткина

Преподаватель кафедры предпринимательского
права и гражданского процесса
Оренбургский государственный аграрный университет
г. Оренбург, Российская Федерация

Р.Р. Ибрагимов

Студент 4 курса юридического факультета
Оренбургский государственный аграрный университет
г. Оренбург, Российская Федерация

ДВИЖИМОЕ И НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

В настоящее время развиваются внешнеэкономические связи Российской Федерации, укрепляются частноправовые отношения между российскими и иностранными лицами, связанные с заключением взаимовыгодных договоров, и конечно, все более актуальными становятся вопросы, связанные с правовым регулированием института недвижимого имущества.

Традиционно недвижимое имущество рассматривается гражданско-правовой наукой, но этот институт заслуживает отдельного внимания и в международном частном праве, останавливаясь на нюансах, которые могут возникнуть при регулировании очень важного объекта гражданского оборота в отношениях, осложнённых иностранным элементом.

Рассматриваемая область коллизионного регулирования традиционно характеризуется преобладанием императивных норм и применением такой формулы прикреплёния как закон местонахождения имущества (*lex rei sitae*). Это одна из основных и первых коллизионных привязок, которая берёт своё начало со средних веков, со времен «теории статутов» и продолжает доминировать в современном коллизионном регулировании, уже и в отношении движимых вещей.

В общем праве Англии и большинства штатов США деление на «движимое и недвижимое имущество» имеет особое значение тогда, когда в суде разрешается спор из отношений по поводу имущества с участием «иностранного элемента», регулируемых международным частным правом. Что касается внутренних отношений, то такое деление значения не имеет [2, с. 223].

Под местом нахождения имущества буквально понимается территория государства, территориальная единица государства, на которой физически располагается имущество. Иногда расширительно толкуют данный закон и относят к нему закон места регистрации недвижимого имущества или внесения в реестр (например, суда и космические объекты). Но всё-таки в закон *lex rei sitae* это правило не входит.

В данном исследовании рассмотрим вопрос о возможности трансформации движимого имущества в недвижимое при распространении на вещь режима, который характерен для такого рода вещей по правопорядку нового собственника. Это может происходить в виду разницы подходов к определению недвижимого имущества в различных правопорядках. По англосаксонской системе права морское судно является движимым имуществом, а по российскому праву - это недвижимость. Выставочный зал для американского права - движимое имущество, так как оно считается сооружением для временных мероприятий, а для российского - наличествуют все характеристики объекта недвижимости. В итоге этот

объект преобразовался из движимого в недвижимое, и содержание вещных прав на данный объект определяется российским правом.

Таким образом, возникает вопрос: Какое имущество признается движимым и недвижимым? И что же делать если одно и то же имущество в соответствии с действующим законодательства признается движимым а другим не движимым?

В данном случае необходимо обратиться к доктрине. Так, некоторые ученые предлагают разграничивать имущество на движимые и недвижимые по иным основаниям. Например, Г. С. Васильев для разграничения движимого и недвижимого имущества предлагает использовать критерий назначения вещей. «Недвижимыми должны считаться те объекты, которые предназначены для использования в строго определенном месте. Если назначение объекта предполагает его перемещение, вещь следует считать движимой» [1, с. 299].

И. Ш. Файзутдинов считает, что определяющим признаком, позволяющим отнести объект к «недвижимому имуществу по природе», служит его прочная связь с землей. Для объектов «недвижимости в силу закона» таким признаком являются особые полезные свойства, обуславливающие необходимость более жесткой правовой регламентации возникающих по поводу этих объектов отношений [3, с. 154].

Е. А. Суханов полагает, что более обоснованной является концепция единого объекта недвижимости, уходящая корнями в римское право и закрепленная в настоящее время в германском законодательстве. В соответствии с этой концепцией единственным видом недвижимого имущества признается земельный участок, а прочно связанные с землей объекты, включая строения, считаются не отдельными (самостоятельными) вещами, а лишь составными частями этого участка [4, с. 10-11].

Таким образом, мы видим, что имущество можно разграничивать по различным основаниям, но при этом при ином разграничение имущества на движимое и недвижимое по иным не даст должного результата, поскольку в любом случае будут возникать коллизионные вопросы.

В связи с этим, при противоречии законодательства, необходимо исходить из конкретного обстоятельства (возможно применить какую-либо коллизионную привязку). Также возможно издание международного акта, устанавливающего критерии для разграничения имущества на движимое и недвижимое (но при этом издание такого акта не решит вопрос в полном объеме, только в части).

В данном случае, при заключении договора международного характера и наличии противоречия законов государств друг другу, необходимо указание, к какому виду данное имущество принадлежит в соответствии с законодательством конкретного государства, гражданами которых являются субъекты правоотношения.

Одним из способов решения спорного вопроса возможно путем применения новой коллизионной привязки, которая сформулирована следующим образом: в случае возникновения вопроса о разграничении имущества на движимое или недвижимое имущество, при противоречии законодательства государств, применяется законодательство того государства, в котором собственник имеет (имел) последнее место жительства, за исключением, случаев предусмотренных договором.

Список использованной литературы:

1. Васильев Г. С. Движимые вещи // публ. в сборнике: Объекты гражданского оборота сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2007. С. 278-325.
2. Гражданское и торговое право капиталистических государств / под ред. Е.А. Васильева. М., 1993. 560 с.

3. Гражданское право Российской Федерации. Т. 1 / под ред. О.Н. Садикова. М.: Инфра-М, 2006. 494 с.

4. Гражданское право. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2010. 720 с.

© О.И. Биткина, Р.Р. Ибрагимов, 2015

УДК 34

Ю.В. Жукова, Студент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Екатеринбург, Российская Федерация

СИСТЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЗАКАЗА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Законодательство Российской Федерации закрепляет за органами местного самоуправления и уполномоченными ими муниципальными учреждениями право выступать заказчиками на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг, т.е. право на муниципальный заказ, для решения вопросов местного значения и осуществления отдельных государственных полномочий.

Размещение заказов для муниципальных нужд осуществляется в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ст. 54), Федеральным законом 05.04.2013 г. № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд".

Закон о госзакупках является системным, ключевым законом в данной области, однако не единственным. Он устанавливает основы и применяется в отношении всех сфер осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд, однако некоторые сферы имеют существенную специфику, что требует особого, дополнительного законодательного регулирования. К таким сферам относятся, в частности, государственный оборонный заказ и заказ на поставку материальных ценностей в государственный резерв. Поэтому ст. 110 Закона о закупках указывает, что особенности размещения государственного оборонного заказа, заказа на поставку материальных ценностей в государственный резерв могут устанавливаться иными федеральными законами [1, с. 13].

При этом следует иметь в виду, что, согласно Закону о закупках, нормы права, содержащиеся в иных федеральных законах и связанные с размещением заказов, должны соответствовать Закону о закупках. Очевидно, что это положение распространяется и на развивающие положения законов соответствующие подзаконные акты, которые не должны, как известно, противоречить законодательству.

Указание ст. 2 Закона о закупках о том, что законодательство о закупках основано на БК РФ и ГК РФ, не случайно. Дело в том, что отношения, возникающие в сфере осуществления закупок, одновременно являются и составной частью бюджетных отношений, урегулированных нормами бюджетного права, и в то же время тесным образом переплетены с действием частной хозяйственной инициативы, сферой предпринимательской деятельности, субъекты которой активно взаимодействуют с государственными и муниципальными заказчиками - распределителями бюджетных средств, т.е. со сферой регулирования гражданского права. Поэтому правовые нормы, регулирующие соответствующие отношения, связанные с размещением государственного

и муниципального заказа, присутствуют в бюджетном и гражданском законодательстве, но, естественно, преследуя свойственные этим сферам законодательства цели и задачи и устанавливая свойственные данным отраслям законодательства механизмы правового регулирования. При этом БК РФ и ГК РФ не только создают основу для регулирования осуществления закупок в законодательстве о закупках, но и непосредственно регулируют определенные вопросы в данной области.

Также и цели Закона о закупках лежат в плоскости бюджетных интересов, с одной стороны, и поддержки предпринимательства, конкуренции, частной инициативы, развития рынков и экономики - с другой.

отметим что Федеральный закон 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержит ст. 54 «Муниципальный заказ», которая раскрывает содержание и возможности осуществления закупок на закупки товаров, выполнение работ, оказание услуг для муниципальных нужд. Муниципальный заказ услуг оплачивается за счет средств местного бюджета. Порядок формирования, обеспечения, размещения, исполнения и контроля за исполнением муниципального заказа устанавливается уставом муниципального образования и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Подробного регулирования муниципального заказа Закон 2003 г. не содержит. Позднее в ст. 54 включили норму о том, что муниципальный заказ осуществляется в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд".

Муниципальными заказчиками могут выступать органы местного самоуправления, а также уполномоченные ими на размещение заказов бюджетные учреждения, иные получатели средств местных бюджетов. Может быть создан уполномоченный орган для осуществления функций по размещению муниципальных заказов, а на основе контракта допустимо привлечение специализированной организации для этих целей.

Под муниципальные заказы объявляются различные виды конкурсов. По их итогам с победителями заключается муниципальный контракт на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для муниципальных нужд - в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом РФ и иными федеральными законами с учетом положений Федерального закона 2003 г [2, с. 8].

Таким образом, органы местного самоуправления вправе выступать заказчиком на выполнение работ по благоустройству территории муниципального образования, коммунальному обслуживанию населения, строительству и ремонту объектов социальной инфраструктуры, производству продукции, оказанию услуг, необходимых для удовлетворения бытовых и социально-культурных потребностей населения соответствующей территории, на выполнение других работ с использованием предусмотренных для этого собственных материальных и финансовых средств.

Список использованной литературы:

1. Бортенева О.А. Способы размещения заказов на поставку товаров (работ, услуг) для государственных нужд в свете нового законодательства // Налоги (газета). 2012. N 2. С. 13.
2. Щербаков В.А. Гражданско-правовое регулирование размещения государственных и муниципальных заказов в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8.

© Ю.В. Жукова, 2015

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Состояние законности в сфере экономической деятельности зависит от множества взаимообусловленных и взаимосвязанных обстоятельств и факторов самого различного порядка. Поэтому для успешного решения рассматриваемой проблемы необходимо комплексное воздействие на всю совокупность причин и условий, способствующих совершению данного вида уголовно-наказуемых деяний.

Задача предупредительной деятельности - не полное искоренение преступности, а эффективное снижение ее количественных и качественных показателей, уменьшение ее воздействия на общество и государство, повышение уровня личной безопасности граждан, защиты их законных прав и интересов[1, с. 91].

К области предупреждения преступлений относится значительный круг вопросов, прежде всего, связанных с совершенствованием ее научно-практических разработок, обеспечивающих эффективность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, а, следовательно, и общую превенцию; вместе с тем, средствами криминалистики пресекаются начавшиеся и предупреждаются готовящиеся преступления.

В соответствии с Приказом МВД РФ от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», предупреждение преступлений органами внутренних дел - деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением.

Предупреждение преступлений органами внутренних дел осуществляется с целью защиты личности, общества, государства от преступных посягательств, противодействия криминогенным процессам в обществе, обеспечения сдерживания и сокращения преступности [2, с. 34].

Отметим, что задачи предупреждения вытекают из его целей. Именно цели предупреждения преступлений определяют пути решения ее задач и сводятся к следующему: систематическому выявлению и анализу явлений, факторов и обстоятельств, способствующих совершению преступлений; выявлению и изучению противоречий и конфликтов, которые приводят к возникновению и реализации преступных намерений, а также к формированию личности правонарушителей; постоянному выявлению лиц, от которых можно ожидать совершения данного вида преступлений; устранению или нейтрализации явлений и обстоятельств, способствующих противоправному поведению; разработке и внедрению специальных средств, приемов и методов, способствующих предупреждению преступлений и др.

Для результативного решения указанных задач, связанных с воздействием на преступность, субъект предупреждения должен располагать информацией о преступлении,

т.е. знанием о его природе, содержании, динамике, личности преступника, причинах и условиях, способствующих совершению уголовно-наказуемого деяния и т. п [3, с. 39].

Определяя причинный комплекс преступлений экономической направленности, можно говорить о значительной степени их обусловленности спецификой предпринимательской деятельности как особой формы организации экономической деятельности: ее рисковый характер, значительная свобода, большое количество нормативно-правовой регламентации, определяющей правомерность действий субъекта в данной сфере, стремление к максимальной прибыли и пр.

Анализ данных социологических опросов, подготовленный Российским союзом предпринимателей позволил сформулировать основные проблемы частного бизнеса у нас в стране: налоговое бремя; «громоздкое» законодательство; сложившаяся экономическая ситуация в стране; высокая кредитная ставка; неплатежеспособность партнеров, клиентов; несовершенство банковской системы; политическая ситуация; недостаток материальной базы; финансовая политика государства; высокие цены на сырье и материалы; монополия государства в отдельных сферах; разрыв экономических связей с бывшими союзными республиками; недостаток информации, культуры, опыта; необязательность партнеров; невыгодность производства, невыгодность инвестиций; недобросовестная конкуренция и т.

д.

Таким образом, перечисленные проблемы в своей совокупности значительно тормозят развитие предпринимательства в России и, параллельно с этим, не перестают создавать реальной угрозы еще далеко не сложившимся экономическим отношениям в стране.

Отметим, что преступления экономической направленности посягают на общественные отношения в сфере экономики, и преследуют цель - получение прибыли с использованием средств и методов экономического характера. Устоявшиеся на сегодняшний день экономические условия подрывают стимулы к осуществлению предпринимательской деятельности легальным способом. Отсутствие верной стратегии и тактики проведения экономических реформ, ведомственная раздробленность и разобщенность в регулировании финансового и фондового рынков, сомнения населения в правильности проведения экономической политики государства способствуют созданию атмосферы неуверенности предпринимателей в завтрашнем дне.

На наш взгляд, одной из первых по важности детерминант рассматриваемой категории преступлений является чрезмерное обложение предпринимателей различными налогами, сборами, платежами. Следствием нерациональной государственной политики в данной сфере выступает тот факт, что затраты легального предпринимательства, к сожалению, не позволяют получать необходимый для продолжения предпринимательской деятельности доход. Поэтому предприниматель, пройдя обязательные регистрационные процедуры, в то же время не всегда оформляет лицензию, дающую ему право на осуществление отдельного вида деятельности, в целях сокрытия определенной доли доходов от фискальных притязаний государства.

Автором разделяется мнение В.В. Илюхина, который отмечает, что законодательство о налогах весьма громоздко и противоречиво, отрицательно влияет на экономику и социальное развитие и следует учесть высказанные им предложения по установлению системы принципов налогообложения, предусматривающую возможность повышения ставки налога лишь до тех пор, пока все изъятия в сумме продолжают стимулировать развитие производства, а не ведут к его стагнации, не говоря уже о его резком спаде [4, с. 16].

Налогоплательщики, выполняющие все требования налогового законодательства, оказываются неконкурентноспособными и либо вытесняются с рынка, либо вынуждены уклоняться от уплаты налогов.

Результаты анкетирования предпринимателей за 2011-2014 годы позволяют сделать вывод о том, насколько возможно в современных условиях осуществление в России предпринимательской деятельности без нарушения законодательства. Большинство опрошенных предпринимателей - 65 % высказались о невозможности такого, и лишь только 35 % респондентов считают, что имеются необходимые условия для законного ведения бизнеса.

В связи с этим, хотелось отметить, что многие законодательные акты реально не действуют в силу отсутствия механизма их реализации, т.к. отсутствует нормативный инструментарий их реализации в виде постановлений Правительства РФ, указов Президента РФ и т.д. Поэтому общество нуждается не только в правовых нормах, направленных на регулирование экономического механизма, но и в совершенствовании законодательства о борьбе с преступлениями экономической направленности. Проблема заключается еще и в том, что принимаемые отдельные законы нестабильны; правовой нигилизм проявляется также и в поспешности конструирования законов, и в попытках заложить в них положения, реальное осуществление которых не подкреплено сложившимися на сегодня экономическими отношениями.

Законному осуществлению предпринимательской деятельности препятствует, в том числе, распространение на различных уровнях государственной власти института лоббирования, позволяющего отдельным субъектам экономической деятельности получать преимущества в ведении предпринимательской деятельности. Таким образом, стремительный переход Российского государства к современной экономической системе, не подкрепленный необходимой правовой базой и правовой культурой создал идеальные условия для быстрого роста злоупотреблений и коррупционных проявлений при осуществлении экономической деятельности.

Следует отметить, что лицензирование отдельных видов деятельности является одним из источников теневых отношений. Оно ставит предпринимателей в зависимость от органов власти и отдельных чиновников и дает последним большие возможности для извлечения теневых доходов. Достаточно распространенная практика - выдача предпринимателям лицензий таким образом, что получившие их лица становятся монополистами в одном из районов города, что создает определенные сложности для «законопослушных» предпринимателей.

Учитывая сказанное, можно выделить следующие перспективные направления предупреждения преступлений экономической направленности:

1. Корректировка легитимных условий деятельности предпринимателей. В первую очередь, это относится к снижению налогового бремени, поскольку это один из основных рычагов легального стимулирования инвестиционной активности. Также необходимо разумное освобождение от налогового пресса части прибыли, идущей на расширение производства и создание новых рабочих мест.

2. Защита конкуренции. Этому должна способствовать борьба с коррупцией, различными злоупотреблениями должностных лиц при распределении государственных средств, квот, льгот и субсидий предпринимателям.

3. Стабильная, планомерная экономическая политика государства с разработкой и реализацией действенных государственных мер защиты населения от финансовых мошенничеств, обеспечение гарантий защищенности сбережений и капиталов, стимулирование развития малого и среднего бизнеса.

4. Немаловажное значение для эффективного предупреждения рассматриваемой категории преступлений имеет нормативное закрепление оснований и порядка ведения федеральной и региональной базы данных (учетов) физических лиц, которым:

- в соответствии с судебным решением запрещено заниматься предпринимательской деятельностью;

- в установленном законом порядке отказано в регистрации в качестве предпринимателя, либо в выдаче лицензии на занятие определенным видом деятельности;

- истек срок регистрации или отозвана (аннулирована) лицензия на право осуществления определенного вида предпринимательской деятельности.

5. Разработать единую концепцию заочных процедур регистрации и лицензирования в сфере предпринимательства на основе сетевой компьютерной технологии для федерального, регионального и местного уровней и апробировать ее на территории отдельных субъектов РФ.

В заключении следует отметить, что успех предупредительной деятельности зависит от множества взаимообусловленных и взаимосвязанных обстоятельств и факторов самого различного порядка, поскольку предупреждение преступлений - комплексная проблема, исследуя которую криминалисты, криминологи и процессуалисты способны объяснить причины и условия, способствующие совершению преступлений, пределы и методы их выявления, меры по их устранению, а также рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуальных мер.

Список использованной литературы:

1. Бирюков С.Ю., Стешенко Ю.С. О некоторых проблемах профилактики преступлений в сфере предпринимательства // Вестник Волгоградской академии МВД России, 2013. № 4 (27).

2. Тарасов Ю.А. Роль и место МВД России как субъекта и объекта государственного контроля в системе предупреждения преступлений // Российский следователь, 2013. № 20.

3. Зайцева Е.В. Отдельные аспекты предупреждения преступлений // Проблемы борьбы с преступностью: российский и международный опыт: сб. науч. тр. Вып. 6.– Волгоград, 2014.

4. Илюхин В.В. Преступления, совершаемые в сфере предпринимательской деятельности: квалификация, ответственность и предупреждение: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.

© Е.В. Зайцева, 2015

УДК 341

П.Н. Кобец

Главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России г. Москва Российская Федерация
доктор юридических наук, профессор

О ГЕНЕЗИСЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Многочисленные вооруженные конфликты в разных частях земного шара заставляют людей сталкиваться с жестокостью войны, вызываемыми ею насилием, страданиями,

разрушениями. Невольно возникает вопрос: существуют ли ограничения в поведении, находящихся в состоянии войны сторон. Да, такие ограничения существуют, они принадлежат к сфере права и составляют корпус «международного гуманитарного права, применяемого в случаях вооруженного конфликта». Цель гуманитарного права вооруженного конфликта, состоит в том, чтобы удерживать воюющие стороны от бессмысленной жестокости, а также обеспечить необходимую защиту тем, кто самым непосредственным образом страдает от военных действий. Очевидно, что сегодня гражданское население часто подвергается непосредственному воздействию войны гораздо в большей мере, чем в другие периоды истории. И нереалистичными оказались бы попытки полностью оградить гражданское население от последствий боевых действий.

Возможны решения, которые находятся между двумя неприемлемыми крайностями: полным отсутствием правовой защиты гражданского населения, с одной стороны, и его абсолютной неприкосновенностью – с другой стороны. Найти и реализовать эти возможности – вот главная задача гуманитарного права[1].

Международное право вооруженного конфликта в своем современном виде возникло недавно, но оно имеет долгую историю. Еще в далеком прошлом командующие войсками приказывали своим подчиненным сохранять жизнь пленным солдатам, щадить гражданское население стороны противника, обменивать пленных. Со временем подобная практика превратилась в совокупность норм, подлежащих соблюдению сторонами в вооруженном конфликте. Некоторое время объем, и содержание этих правил ведения войны оставались расплывчатыми и нечеткими. Способом позволяющие государствам избежать нечеткости стало заключение договоров, то есть выработка с помощью переговоров согласованных правил и в придании им формы международно-признанных, обязательных к соблюдению правовых документов, носящих общее название договоров; некоторые из которых получили название «конвенция» или «протокол» [2].

Процесс заключения договоров о нормах ведения войны начинается с 60-х годов XIX века. Развитие отрасли права войны, которую называют «правом Гааги», началось в Вашингтоне и Санкт-Петербурге. Вашингтон был тем городом, в котором в 1863 г. президент США обнародовал знаменитый указ, названный «Инструкция полевым войскам США», текст которого был составлен Фрэнсисом Либером, специалистом по международному праву. Инструкция содержит подробные правила, относящиеся по всем аспектам сухопутной войны, от способов ведения боевых действий и обращения с гражданским населением до обращения с военнопленными, ранеными, партизанами. Кодекс Либера оказал огромное влияние на дальнейшее развитие событий. В 1868 г. в Санкт-Петербурге увидел свет документ: Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль.

В 1899 г. по инициативе правительства России в Гааге встретились представители многих государств, чтобы обсудить вопросы мира и войны. Главная цель этой Первой международной конференции мира была сформулирована так: создать условия для предотвращения в дальнейшем новых войн, обязав государства выносить их взаимные споры на международный третейский суд, а в дополнение к этому регулярно созывать международную конференцию для обсуждения любых проблем, которые могут возникнуть в связи с задачей по сохранению мира. Всеми сторонами было признано, что международный третейский суд – прекрасное средство разрешения споров между государствами, однако многие государства не согласились выносить на третейский суд спорные вопросы. Конференция внесла целый ряд предложений относившихся к ведению военных действий.

Гуманитарное право вооруженного конфликта применяется в случае вооруженного конфликта, об этом четко говорится, например, в Женевском протоколе 1925 г. о, «Применении на войне» боевых химических средств. От предыдущих договоров Женевские конвенции 1949 г. отличаются тем, что относятся не только к войне. Общая статья 2 гласит, что Конвенции будут полностью применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны. Данная формулировка лишила государства возможности утверждать, что всякая ситуация, не признанная ясно и недвусмысленно войной, юридически не является таковой. Принятая в 1949 г. формулировка является значительным шагом вперед, поскольку она дает в руки третьим сторонам – таким, как государства, не вовлеченные в конфликт, органы ООН – инструмент воздействия на конфликтующие стороны с целью заставить их соблюдать существующие договоренности.

Год 1968 - «год прав человека» – обозначил начало процесса углубления интереса, проявляемого со стороны ООН к праву вооруженного конфликта. С 22 апреля по 13 мая 1968 года под эгидой ООН в Тегеране собралась Международная конференция по правам человека. Конференция приняла целый ряд резолюций среди них была Резолюция XXIII, которая требовала изучения вопроса о необходимости заключения дополнительных международных конвенций по гуманитарным проблемам или возможного пересмотра существующих конвенций для обеспечения лучшей защиты гражданских лиц, военнопленных и комбатантов во всех вооруженных конфликтах, а также для запрещения и ограничения использования некоторых методов и средств ведения войны. Генеральная Ассамблея одобрила эту инициативу. Резолюция называлась «Уважение прав человека в период вооруженных конфликтов», с тех пор под этим девизом проводились многие акции ООН, имевшие отношение к праву вооруженного конфликта.

Таковы основные вехи происхождения гуманитарного права и основные тенденции, повлиявшие на содержание этого права на разных стадиях его развития. Международное гуманитарное право является частью универсального международного права, задачей которого является формирование и поддержание мирных отношений между народами. Оно вносит существенный вклад в дело мира тем, что проповедует гуманность во время войны. Международное гуманитарное право является важнейшей частью системы поддержания мира и безопасности, как она определена в Уставе Организации Объединенных Наций [3]. Международное гуманитарное право помогает мостить дорогу к миру и международное сообщество не может позволить себе игнорировать международное гуманитарное право.

Список использованной литературы:

1. Кобец П.Н. Совершенствование уголовного законодательства России, посредством имплементации норм международного права. Проблемы российского и международного права: сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 19 февраля 2014 г.) / отв. ред. А.А. Сукиасян. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.

2. Кобец П.Н. О роли интеграционных процессов в системе российского уголовного законодательства. Россия в XXI веке: проблемы и решения. Сборник научных трудов / Под. ред. доц. Л.Ф. Костриченко. Вып. 1. – Воронеж: Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2013.

3. Кобец П.Н. О совершенствовании уголовного закона России в условиях второго десятилетия XXI столетия. Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии: сборник научных трудов. – Ставрополь: Издательство СКФУ, 2014.

© П.Н. Кобец, 2015

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ИНФРАСТРУКТУРОЙ И ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современном мире особо актуальным является поиск Модели инфраструктурного обустройства муниципальных образований в соответствии с масштабами и значимостью перехода экономики на инновационное развитие, новых подходов к управлению ею и снижением затрат на производство услуг.

Инфраструктура создает и обеспечивает не только жизненно важные условия для основной деятельности муниципального образования, но к тому же она создает «свою долю дохода» в деятельности, участвуя в качестве определенного элемента технологических процессов (компьютеризация, связь, транспорт); создавая необходимые условия жизнедеятельности населению муниципального образования¹.

Развитая инфраструктура, в свою очередь, укрепляет экономику муниципального образования, способствует укреплению власти, а также является фактором повышения конкурентоспособности продукции и фактором привлечения инвестиций в экономику муниципальных образований.

Очевидно, что конкурентные преимущества муниципальных образований создаются и удерживаются в плотном взаимодействии с местными условиями, т.е. соответствующим инфраструктурным обустройством.

Инвестиции в инфраструктуру трактуются как предшествующие инвестициям в промышленность и сельское хозяйство, как неприбыльные, формируемые за счет всего общества. Рассматривая принципиальные подходы к формированию инфраструктуры в нашей стране, складывается мнение, что она создаётся исходя из наличия средств и ресурсов, в сжатые сроки, за меньшие затраты. Значимость полезности инфраструктуры и затрат на её создание, думается, следует сопоставлять с потерями, которые определяются в хозяйстве муниципальных образований в связи с несовершенством инфраструктуры.

Потери при таком подходе особо значимы, прежде всего, в социальной сфере – из-за разрыва между сложившимся уровнем удовлетворения потребностей населения муниципального образования и объективно необходимым уровнем и в производственной – из-за неоптимального обеспечения условиями инновационных технологических процессов. Несовершенство современной инфраструктуры в муниципальных образованиях входит в противоречие с разнообразием задач по предоставлению инфраструктурных услуг населению. Как следствие этого - серьезные организационные и функциональные разрывы, диспропорции, конфликты, экономические потери, неэффективные действия в управлении муниципальным образованием.

¹ Кузнецова, А.И. Инфраструктура как научный компонент экономического и социального развития городов России / А. И. Кузнецова // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2014. - №1(7). – С. 12.

Это отражается на качестве и оперативности обслуживания населения, вызывает проблемы в выполнении намерений и заданий Правительства по социальному обслуживанию.

На сегодняшний день одним из приоритетных направлений социально-экономической политики страны является реформирование жилищно-коммунального комплекса РФ (ЖКХ). В ходе модернизации ЖКХ власть муниципальных образований столкнулась с необходимостью методологической и методической проработки общих проблем развития муниципальных образований, а также проблем в управлении и стратегии совершенствования инфраструктуры.

Проблемой является отсутствие и создание единой методологии, обеспечивающей обоснованность дальнейшего развития инновационной экономики в муниципальных образованиях и «подстраивание» под неё городской инфраструктуры². Отсутствует система методов, позволяющих научно, обоснованно, оперативно решать весь комплекс вопросов, связанных с перестройкой экономики муниципальных образований РФ на инновационный путь и создание необходимой инфраструктуры с учетом конкретных условий деятельности, что выдвигает задачи по пересмотру традиционных подходов к управлению и перестройке систем управления муниципальным образованием.

Современная система муниципального управления во многом является «продолжением» существовавшей до 90-х годов системы административного управления, которая не соответствует новой социально-экономической ситуации в России. Также не является адекватным экономическому развитию России опыт зарубежных стран. Существовавшая в развитых странах мира система муниципального управления выработана с учетом социально-культурных и социально-экономических особенностей этих стран, существенно отличающихся от ситуации в России, что затрудняет возможность прямого использования зарубежного опыта в управлении муниципальными образованиями.

Особенностью современной ситуации муниципального управления является жесткая ограниченность ресурсов (финансовых, материальных, организационных и др.) и необходимость не только обеспечивать оперативное управление муниципальным образованием, но и брать на себя функции стратегического управления, обеспечивающего среднесрочную и долгосрочную перспективу.

При анализе системы управления муниципальным образованием необходимо выделить базовые процессы, определяющие действительность и провести анализ существующей системы муниципального управления как обеспечивающей или не обеспечивающей существование и развитие муниципального образования.

Следовательно, первым пунктом анализа является анализ соответствия/несоответствия существующей системы управления уровню сложности объекта управления (управляемой системы), как система управления муниципальным образованием отвечает за базовые процессы – воспроизводство, развитие и реформирование ЖКХ.

Анализ структурно-функциональной схемы администрации муниципального образования, позволяет определить какими процессами она управляет либо не управляет. Руководству муниципального образования нужны знания об экономической значимости и трансформации инфраструктур; ясное понимание природы инфраструктуры муниципального образования; механизмы функционирования всех элементов инфраструктур; изучить современные методики анализа внешней среды, анализа экономических затрат деятельности инфраструктуры; анализ ресурсного обеспечения

² Кузнецова, А.И. Инфраструктурный подход - инновационный метод обеспечения равновесия и устойчивости экономического развития города / А.И. Кузнецова // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2013. №3(5). – С. 4.

создания различных видов инфраструктур; видеть проблемы функционирования инфраструктуры муниципального образования в условиях конкуренции с транснациональными компаниями и т.д.; иметь представление о стратегическом развитии современной инфраструктуры; современное экономическое мышление, позволяющее принимать управленческие и финансовые решения в части управления элементами инфраструктуры муниципального образования, а также организовывать их выполнение как на стороне публичной власти, так и на стороне бизнес-структур.

Главной проблемой управления коммунальным комплексом муниципального образования в настоящее время является: техническое состояние коммунальной инфраструктуры, которое характеризуется высоким уровнем износа, низким коэффициентом полезного действия оборудования и значительными потерями энергоносителей, которые в свою очередь так же обуславливается уровнем износа.

Жилищно-коммунальный комплекс представлен муниципальными предприятиями, осуществляющими выработку и реализацию коммунальных услуг населению, бюджетным и прочим организациям и управляющими компаниями, осуществляющими управление многоквартирными жилыми домами в городе. Объективно повышенные эксплуатационные издержки, связанные с продолжительным отопительным периодом, высокой стоимостью электроэнергии, используемой на приготовление тепла, в сочетании с высоким уровнем условно постоянных затрат, дополняются последствиями применения морально и физически устаревающего оборудования, неэффективных технологий.

Все это приводит к большим потерям в сетях, изношенность которых около 63%, высоким затратам, росту себестоимости предоставляемых коммунальных услуг, убыточности жилищно-коммунального хозяйства и отражается на расходах муниципального бюджета.

Исходя из приоритетов государственной политики в части реформирования ЖКХ, по мнению автора следует:

- провести мониторинг состояния всех видов инфраструктуры муниципальных образований, включая коммунальную, для определения фактического состояния и определения объемов работ по замене, модернизации и капитальному ремонту;
- разработать программу модернизации инфраструктур муниципального образования с разбивкой работ по годам с точным указанием объемов, стоимости работ и ответственных лиц.

Ныне действующие системы управления работают неэффективно, себя не оправдывают и не обеспечивают рациональное и целевое расходование бюджетных ассигнований и растущих тарифных поступлений от населения за коммунальные услуги.

При этом руководствоваться следующими факторами, определяющими качество работы управленческих компаний и коммунальных предприятий: качество управления компанией ЖКХ; потенциал предприятия; показатель профессиональной подготовки кадров, текучесть кадров; показатель автоматизации и информатизации производства; применение рыночных методов управления (маркетинговое исследование, бизнес-планирование, структурный анализ, реструктуризация, программно-целевые методы управления, мониторинг надежности предоставления и качества услуг ЖКХ, внедрение ресурсосберегающих технологий, программа стратегического развития и повышения конкурентоспособности).

Список использованной литературы:

1. Ефимов, В.С. Стратегическое управление городом: курс лекций / В.С. Ефимов. - Красноярск: РИО СФУ, 2007, 243 с.

2. Кузнецова, А.И. Инфраструктурный подход - инновационный метод обеспечения равновесия и устойчивости экономического развития города / А.И. Кузнецова // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2013. №3(5). – С. 4-5.

3. Кузнецова, А.И. Инфраструктура как научный компонент экономического и социального развития городов России / А. И. Кузнецова // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2014. - №1(7). – С. 12-14.

© А.О. Ковалева, 2015

УДК 34

Э.В. Краснов, Студент юридического факультета
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Г. Казань, Российская Федерация

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ

С распадом Советского Союза в 1991 году и последующим за этим событием образованием новых независимых государств, наряду с провозглашением Российской Федерации государством-правопреемником СССР, вызвали необходимость комплексного решения целого ряда проблем, особое место среди которых занял вопрос, связанный с государственной собственностью бывшего СССР.

Собственность Российской Федерации за рубежом включает в себя: имущество государства, имущество государственных органов, вклады Банка России, морские и воздушные суда и другие виды. Федеральный статус данной собственности закреплен таким нормативным источником, как Постановление Верховного Совета РФ от 17.09.1993 «О собственности Союза ССР, находящейся за рубежом»[1, с. 234].

Государственная собственность Российской Федерации за рубежом состоит из движимой и недвижимой части.

Собственность РФ за рубежом пользуется иммунитетом. Иммунитет устанавливает особый правовой режим данного вида собственности и включает в себя: неприкосновенность собственности, невозможность предъявления исков, а также невозможность принудительного исполнения судебного решения. Следует отметить, что в настоящее время преобладает функциональный иммунитет, подразумевающий нераспространение особого правового режима на имущество, которое предназначается для коммерческих и торговых целей.

В стоимостном выражении собственности Российской Федерации наблюдаются разночтения – в 1998 году международное детективное агентство «Pinkerton» оценило ее в 400 миллиардов долларов, однако, через 10 лет, в 2008 году Счетная палата РФ дала свою оценку- 300 миллиардов долларов. Тем не менее, несмотря на арифметические расхождения, становится очевидным, что речь идет о довольно существенных объемах имущества, которое необходимо не только для осуществления публичных функций государства, но и для непосредственного участия в предпринимательской деятельности. Поэтому, большое значение в современных условиях приобретает разработка национального законодательства, которое бы содержало нормы, затрагивающие управление федеральной собственностью за рубежом.

Вопрос о принятии законодательства, которое бы отвечало потребностям современного российского государства и текущей геополитической ситуации, неоднократно ставился, однако до сих пор нет единого законодательного акта, регулирующего управление государственной собственностью за рубежом. Следует отметить, что существовал проект

Федерального закона «Об управлении собственностью Российской Федерации, находящейся за рубежом», однако, он не был подписан Президентом РФ и в дальнейшем снят с рассмотрения решением Совета Государственной Думы в связи с отклонением Президентом Российской Федерации.

В настоящее время, основным документом в области регулирования вопросов управления государственной собственностью РФ остается Постановление Правительства Российской Федерации № 14 «Об управлении федеральной собственностью, находящейся за рубежом» от 5 января 1995 года. Однако, большая часть норм, содержащихся в данном постановлении, скорее направлена на эксплуатацию государственной собственности РФ с целью получения финансовой прибыли. Отдельного внимания заслуживает положение о запрете приватизации зарубежного имущества.

Анализ правовых актов, принятых Российской Федерацией в 90-е годы, позволяет сделать вывод об отсутствии подробной регламентации вопросов, связанных с управлением федеральной собственностью РФ за рубежом.

Помимо вышеперечисленного, проблемой правового регулирования в 90-е годы также являлось отсутствие механизмов контроля над решением поставленных задач, поскольку данные функции были переданы Государственному комитету РФ по управлению государственным имуществом, который является исполнительным органом в данной сфере.

В настоящее время, несмотря на завершение формирования системы органов исполнительной власти, осуществляющих функции управления собственностью Российской Федерации за рубежом, наметились серьезные проблемы не только правового регулирования в данной области, но и недостаточная разработанность и научная обоснованность концептуальных подходов к решению обсуждаемой проблемы [2, с. 18].

С учетом вышеизложенного, предлагается: 1) возобновить работу над проектом «Об управлении собственностью Российской Федерации, находящейся за рубежом».

2) создать систему постоянного мониторинга государственной собственности за рубежом.

3) провести работу по совершенствованию системы оценки федеральной собственности за рубежом.

Список использованной литературы:

1. Дмитриева Г.К. Международное частное право. - М.: Проспект, 2004.
2. О зарубежной собственности Российской Федерации. – 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.plam.ru/> (Дата обращения: 16.04.2014).

© Э.В. Краснов, 2015

УДК 341.9

М.В. Кривенкова

к.ю.н., доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Набережночелнинский институт К(П)ФУ
г. Набережные Челны, Российская Федерация

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА АУТОНОМИИ ВОЛИ ВО ВНЕДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Принцип автономии воли применяется в частноправовых отраслях преимущественно для регулирования договорных правоотношений. К примеру, п. 1 ст. 421 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) гласит: 1. «Граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается...». То есть

автономия воли в данном случае проявляется в том, что стороны вправе заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом, вправе заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, вправе самостоятельно определять условия договора [1].

Международное частное право, будучи комплексной отраслью российского права, включающей в себя, в том числе, нормы гражданского, семейного, трудового законодательства, не является исключением. В рамках данной отрасли принцип автономии воли сторон также имеет довольно широкое применение. Преимущественно он применяется также при осуществлении коллизионно-правового регулирования договорных правоотношений. Г.К. Дмитриева верно подчеркивает, что как национальное коллизионное право, так и международные договоры исходят из того, что при решении всех коллизионных вопросов в сфере договорных обязательств решающей является воля сторон [5, с. 122]. Е.Л. Симагова также подчеркивает, что именно автономия воли выступает базовым принципом определения применимого права в договорных правоотношениях, осложненных иностранным элементом [6, с. 11].

Действительно, в российском коллизионном праве принцип автономии воли сторон проявляется в регулировании договорных правоотношений путем четкого закрепления в ст. 1210 ГК РФ положения, согласно которому стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору [2].

При этом такую возможность применения автономии воли предоставляет не только российское коллизионное право, но и международные конвенции. Так, в ст. 6 Венской Конвенции 1980 г. «О договорах международной купли-продажи товаров» содержится норма, согласно которой стороны договора могут исключить применение этой Конвенции либо отступить от любого из ее положений или изменить его действие [3]. Это, стоит отметить, согласуется с положениями той же ст. 421 ГК РФ, в п. 4 которой говорится, что в случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней [1].

Тем не менее, принцип автономии воли не ограничивается лишь договорными правоотношениями. Его применение возможно и при регулировании правоотношений, не основанных на договоре. Однако принимая во внимание многообразие внедоговорных правоотношений, примечательно, что далеко не все из них можно урегулировать правовой системой, избранной по соглашению сторон. Так, к числу внедоговорных правоотношений международного характера относятся деликтные правоотношения, отношения из неосновательного обогащения, отношения из недобросовестной конкуренции и ограничения конкуренции, отношения из ненадлежащего ведения переговоров (преддоговорная ответственность), отношения из нарушения интеллектуальных прав, отношения из действия в чужих интересах без поручения. О необходимости расширить круг внедоговорных обязательств, в отношении которых следует закрепить коллизионно-правовое регулирование, говорилось еще в Концепции развития гражданского законодательства [4, Гл. VIII, п.2.11]. Но коллизионно-правовое регулирование действия в чужом интересе без поручения и отношений из нарушения интеллектуальных прав в Части 3 Разделе VI ГК РФ так и не появилось.

Возможность применения автономии воли при определении права, применимого к внедоговорным правоотношениям, осложненным иностранным элементом, закреплена в Части 3 Разделе VI ГК РФ. Однако по смыслу ст. 1219 и ст. 1223.1 ГК РФ, стороны могут договориться о применимом праве только при возникновении обязательства вследствие

причинения вреда (деликтного правоотношения) или неосновательного обогащения. О возможности применения принципа автономии воли в отношении иных внедоговорных правоотношений международного характера в законе не говорится. Необходимо при этом оговориться, что свободы выбора применимого права в отношении деликтных обязательств была закреплена и в прежней редакции ГК РФ, однако эта свобода была несколько ограниченной – стороны могли договориться лишь о применении права страны суда. После внесения изменений в Часть 3 Раздел VI ГК РФ свобода выбора более ничем не ограничена, разве что интересами третьих лиц (абз. 2 п. 1 ст. 1223.1 ГК РФ) [2].

В отношении обязательств, вытекающих из недобросовестной конкуренции, согласно ст. 1222 ГК РФ, выбор сторонами применимого права также возможен, но лишь в том случае, если недобросовестная конкуренция затрагивает интересы конкретного лица. Примечательно, что в отношении ограничения конкуренции автономия воли не может быть применена ни при каких обстоятельствах.

Обязательства, вытекающие из недобросовестного ведения переговоров (преддоговорная ответственность), получили своеобразное коллизивно-правовое регулирование, не позволяющее, на первый взгляд, говорить о возможности применения автономии воли сторон применительно к данным правоотношениям. Ст. 1222.1 ГК РФ гласит: «к обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора, применяется право, подлежащее применению к договору, а если договор не был заключен, применяется право, которое применялось бы к договору, если бы он был заключен». Т.е. данная статья, имеющая отсылочный характер, говорит о том, что необходимо применить право, применимое к самому договору, который был заключен или мог быть заключен в результате переговоров. Это значит, что необходимо применить положения ст. 1210 ГК РФ, в которой прямо указано, что стороны вправе самостоятельно определить применимое к договору право. А, следовательно, стороны обязательства, возникающего из недобросовестного ведения переговоров, не имея возможности договориться напрямую о применимой правовой системе, могут воспользоваться автономией воли опосредованно – через выбор права, применимого в отношении сделки, заключенной между ними.

Иные внедоговорные правоотношения международного характера (обязательства, возникающие вследствие нарушения интеллектуальных прав, действие в чужом интересе без поручения) не имеют на данный момент коллизивно-правового регулирования, а, следовательно, в их отношении законодательно не закреплена возможность выбора применимого права самими сторонами правоотношений.

Список использованной литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 22.10.2014) // Российская газета. – 1994. – № 238-239.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федер. закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Российская газета. – 2001. – № 233.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС РФ. – 1994. – №1.
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – №11.
5. Международное частное право: учебник для бакалавров / отв. ред. Г.К. Дмитриева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015.

6. Симатова Е.Л. Коллизионное регулирование договорных правоотношений в свете реформы раздела VI Гражданского кодекса РФ // Международное публичное и частное право. – 2014. – №6 (81).

© М.В. Кривенкова, 2015

УДК 34.01

А.В. Лавришин, студент 3 курса
Омской юридической академии;

Научный руководитель: Д.Т. Караманукян,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Омской юридической академии,
кандидат юридических наук.

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ПО МЕЖОТРАСЛЕВОЙ АНАЛОГИИ К ТРУДОВЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Объективные потребности сегодняшнего мирового сообщества – происходящие процессы глобализации и коллективный метод разрешения крупномасштабных проблем – генерируют интеграции различных национальных правовых систем отдельных государств в целях повышения уровня внутригосударственной юридической техники и эффективности наиболее полной защиты прав и свобод человека и гражданина [1, с. 4-7].

Вместе с тем, наше отечественное законодательство, к сожалению, не лишено определённых юридических недостатков. Среди самых важных и животрепещущих можно выделить пробелы в праве, которые заключаются в полной или недостаточной правовой регламентации определённых общественных отношений. Вышеуказанные недостатки относятся и к столь важной отрасли российского права, как трудовое право [2, с. 79].

Как известно, основными методами восполнения существующих в законодательстве пробелов выступают аналогия закона и аналогия права. Но применительно к трудовому праву существует некоторая неопределённость, связанная с аналогией: в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) полностью отсутствуют нормы, устанавливающие или, наоборот, запрещающие любые виды аналогии. Вопрос встаёт не только по поводу применения по аналогии норм самого трудового права, но и о возможности межотраслевой аналогии трудового и гражданского права.

Итак, для определения возможности применения аналогии при пробелах в трудовом праве следует, прежде всего, проанализировать судебную практику. Суды играют исключительную роль в преодолении различных дефектов права, при этом судьями используются множество приемов, среди которых, помимо толкования, наполнения оценочных понятий и др. [3], разумеется, есть и юридическая аналогия.

Прямое указание на аналогию имеется в п. 3 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Никаких обязательных указаний на то, что нормы для урегулирования спорного правоотношения должны браться из той же отрасли, к которой «принадлежит» это отношение, нет. Учитывая это, можно сделать вывод, что применение судами норм гражданского права для восполнения пробелов в трудовом законодательстве не просто теоретически возможно, но и разрешается законодателем. Можно сказать, что и де-факто межотраслевая аналогия в трудовых спорах используется как высшими судебными инстанциями, так и другими судами [4, с. 4]. В ходе работы Пленума

Верховного Суда Российской Федерации 2 ноября 2006 года даже ставился вопрос о целесообразности закрепления указания о возможности применения по аналогии при разрешении трудовых споров положений гл. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [5, с. 24].

Однако стоит заметить, что бывают и случаи, когда по схожим делам суды, применяя аналогию, приходят к абсолютно разным выводам, например, при решении вопроса о приостановлении работы предприятия-работодателя с оплатой простоя в размере двух третей тарифной ставки, основанном на отсутствии клиентов из-за Мирового кризиса [3]. Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на возможность использования по аналогии норм гражданского права при разрешении трудовых споров, судам следует *внимательнее* относиться к данному действию, дабы избежать неправильных решений.

Какие же выводы можно сделать о несудебных правоприменителях? Учитывая то, что круг их компетенции гораздо меньше, чем у судов, роль юридической аналогии в их деятельности имеет едва ли не большее значение, чем в судебной деятельности.

Итак, в ГК РФ имеется статья 6, устанавливающая применение предписаний гражданского законодательства по аналогии. Аналогия применяется к кругу общественных отношений, описанных в п. 1 ст. 2 данного кодекса. Среди прочих, там имеются и договорные обязательства. Участниками таких отношений могут выступать физические и юридические лица.

В свою очередь, законодатель включает в предмет трудового права трудовые отношения и иные непосредственно связанные с ними отношения, основная роль среди которых, разумеется, отводится непосредственным трудовым отношениям. Они могут возникнуть на основании трудового договора (ст.ст. 15, 16 ТК РФ), гражданско-правового договора и фактического допущения к работе. Последние два основания, в итоге, также должны быть оформлены трудовым договором. Следовательно, можно сказать, что основными отношениями, входящими в предмет трудового права, являются именно непосредственные договорные трудовые отношения. Да и другие трудовые отношения часто регулируются определёнными договорами и соглашениями (например, вся сфера социального партнёрства, социальное страхование и т.д.).

Участниками трудовых отношений являются, в соответствии со ст. 20 ТК РФ, работник и работодатель, которыми могут быть граждане (и работники, и работодатели) и юридические лица (только работодатели).

Трудовой договор является именно договором, а не односторонней сделкой, т.к. на основании него возникают взаимные права и обязанности, которые лишь в общих чертах обрисованы в ст. 15, 21 и 22 ТК РФ. То есть, в данных отношениях имеются кредитор и должник. Из этого можно заключить, что трудовые отношения являются договорными обязательствами.

Исходя из вышесказанного, в качестве первого аргумента следует сказать, что основным предметом трудового права являются непосредственные трудовые отношения, которые представляют собой договорные обязательства между работниками и работодателями – физическими и юридическими лицами, что подпадает под сферу общественных отношений, к которым, в соответствии с ГК РФ, может применяться аналогия из гражданского законодательства.

Общее мнение, сложившееся в теории государства и права, заключается в том, что аналогия закона не может применяться в случаях, когда это запрещается в самой норме, подходящей для применения, либо в правовом акте, не до конца урегулировавшем тот или иной вопрос. Именно поэтому в качестве второго аргумента стоит рассмотреть отсутствие указания об аналогии в ТК РФ. Действительно, ТК РФ не содержит прямой нормы,

предусматривающей основания и пределы применения какой бы то ни было аналогии, что, так сказать, «сбивает с толку». Однако отсутствие такого предписания, исходя из общедозволительного типа правового регулирования, присущего отраслям частного права, свидетельствует скорее о *возможности* использования аналогии с гражданским правом, чем об обратном. Проще говоря, в трудовом праве разрешено всё, что не запрещено законом, а так как запрета на аналогию в качестве общего правила в ТК РФ нет, то и аналогия может применяться. Из этого можно сделать вывод о возможности применения норм гражданского права по межотраслевой аналогии к трудовым отношениям.

При этом стоит помнить, что неправильное применение аналогии является одной из причин возникновения трудовых споров и обращения в суд. Поэтому следует повторить, что данный процесс требует определенного внимания и четкого анализа правовых норм и не приемлет опрометчивости.

Следует сказать, что с вышеприведёнными выводами согласны далеко не все теоретики и практики. Для полноты исследования стоит рассмотреть контраргументы, приводимые ими.

Самый весомый и главный аргумент, встречаемый в юридической науке, в том числе, и у зарубежных учёных [6], заключается в подчёркивании особой роли трудового права и его независимости от права гражданского. Трудовое право сохраняет специфику в условиях динамичного развития рыночных отношений. Следовательно, взаимодействие гражданского и трудового права не может быть произвольным и должно отражать самобытность последнего, а межотраслевая аналогия как бы «уничтожает» эту самобытность.

Данный аргумент, разумеется, в некоторой степени является верным. Однако стоит заметить, что все частные общественные отношения тесно связаны друг с другом, составляя в совокупности всю сферу частной жизни общества. Поэтому использование межотраслевой аналогии лишь подчёркивает органическую связь отраслей частного права, не отрицая и не умаляя их самостоятельности. Более того, сторонники данной позиции приводят лишь общетеоретические доводы, не останавливаясь на конкретных правовых нормах, в то время как их анализ позволяет прийти к выводу о возможности применения аналогии субъектами как материального, так и процессуального права.

Итак, наличие пробелов в праве является, так сказать, «необходимым злом», без которого, по крайней мере, сейчас не может «жить» наша правовая система. Как следствие, без аналогии права и закона не может обойтись ни правоприменитель, ни суд. Главной и единственной целью применения аналогии является защита социально значимых прав работников и работодателей. Т.е. если отсутствие правовой нормы, непосредственно регулирующей трудовые отношения, может нанести вред этим отношениям, то аналогия становится просто жизненно необходимой, дабы защитить от злоупотреблений всех субъектов права. Причём, можно сказать, что применение к трудовому праву гражданских норм по межотраслевой аналогии возможно, что подтверждается как де-юре, так и де-факто. Но данный процесс, как правильно отмечается в доктрине, должен иметь определённые пределы и чёткую процедуру.

Каковы же они? Видится, что данный вопрос должен решить законодатель, например, путём введения в действие отдельной статьи ТК РФ, регламентирующей порядок и пределы применения аналогии права и закона. Стоит лишь заметить, что в любом случае видится целесообразным избежать схемы взаимодействия отраслей права, установленной в СК РФ, т.е. субсидиарного применения гражданского права к трудовым отношениям. Данная схема неудачна не сама по себе (ведь применительно к семейному праву она вполне обоснована), она неприменима именно к трудовому праву, в силу его большей специфики. В связи с этим, видится логичной следующая схема межотраслевой аналогии: сначала по аналогии применяются нормы трудового законодательства, а уже потом, если будут исчерпаны все внутриотраслевые способы для аналогии, могут применяться нормы из

гражданского права. Впрочем, выбор варианта взаимодействия двух отраслей и регламентация его в правовых нормах – это компетенция исключительно законодателя.

Сейчас же данные нормы отсутствуют. Поэтому, как уже было замечено, процесс использования межотраслевой аналогии должен проходить с полным пониманием того, что делать и как. Любому субъекту, применяющему аналогию, следует последовательно ответить на следующие вопросы:

1) действительно ли правоотношение, в регулировании которого имеется пробел, сходно с тем, которое регулируется правовой нормой, подходящей для аналогии?

2) нет ли в правовой норме, подходящей для применения по аналогии, запрета на такое применение?

3) действительно ли применение аналогии в данном случае так необходимо и не противоречит ли оно существу общественных отношений?

В заключение нужно отметить, что пробелы в праве – неотъемлемое явление при осуществлении правосудства, но невозможность их преодолеть – свидетельство о низком уровне законодательной и правоприменительной техники в государстве. Всем правоприменителям стоит преодолевать дефекты в праве для реализации основополагающего общеправового принципа защиты прав и свобод человека и гражданина, используя для этого различные «инструменты», в том числе и аналогию во всех её проявлениях. Однако, делая это, нужно отдавать себе отчет о происходящем, чтобы это не повлекло ещё более неблагоприятных последствий и не открыло простор для злоупотреблений правом и произвола правоприменительной деятельности.

Список использованной литературы:

1. Караманукян Д. Т. Интегрирование правовых систем современности (на примере американского права) // Вестник Омского юридического института. 2011. №3(16).С. 4-7.

2. Курсова О.А. К вопросу о возможности субсидиарного применения и аналогии норм гражданского законодательства в случаях трудовправовой пробельности // Ученые записки института государства и права. 2008. № 9. С. 79.

3. Жильцов М.А. Как судебная практика преодолевает дефекты трудового права // Кадровик: трудовое право для кадровика. URL: <http://www.lawmix.ru/bux/9141> (дата обращения: 31.01.2015).

4. Степин А.Б. Применение аналогии закона при рассмотрении трудовых споров // Трудовые споры. 2008. № 3. С. 3-6.

5. Захаров В.Н., Цыбуленко А.П. Применение аналогии закона при разрешении трудовых споров // Российская юстиция. 2008. № 3. С. 23-29.

6. Субсидиарное применение гражданских норм к трудовым отношениям. URL: <http://journal.zakon.kz/203321-analogija-mezhdu-grazhdanskim-i.html> (дата обращения: 31.01.2015).

© А.В. Лавришин, 2015

УДК 343.7

А.А. Лихолетов

к.ю.н, старший преподаватель ВА МВД России

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИГОРНОГО БИЗНЕСА

Действующее законодательство позволяет организациям избегать серьезных наказаний за совершаемые общественно опасные деяния, а ущерб экономической системе, причиненный их противоправной деятельностью, явно несоизмерим с административными

и гражданско-правовыми санкциями, которые не отражают фактическую степень общественной опасности деяний, совершаемых юридическими лицами [1, с. 3].

Основной аргумент противников установления уголовной ответственности юридических лиц сводится к несоответствию предлагаемых положений уголовно-правовому принципу вины. Однако указанный принцип сформировался еще в советский период в условиях запрета на осуществление предпринимательской деятельности индивидами, отсутствия преступности юридических лиц и, как следствие, необходимости противодействия этому явлению уголовно-правовыми средствами [2, с. 11].

Нельзя забывать и о том, что основные принципы права формируются с учетом уровня социально-экономического и политического развития страны и изменяющимися в связи с этим потребностями общества. Е.Е. Чердниченко считает существенное изменение принципов уголовного права нормальным явлением, обусловленным трансформацией общественных отношений, приводящей к потребности в новых способах их регулирования [3, с. 84].

Кроме того, уголовная ответственность юридических лиц должна всегда быть связана с действиями конкретного физического лица, осуществляющего руководство данной организацией, при этом совершающего деяние в интересах юридического лица и в рамках своей служебной деятельности, что создаст условия для соблюдения принципа личной виновной ответственности. «Попытка построения особой, отличной от «человеческой», конструкции вины юридического лица в совершении преступления может привести к объективному вменению» [4, с. 543].

Следственным комитетом России подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [5]. Несмотря на то, что указанный законопроект вызвал волну критики со стороны ученых [6, с. 61-65] и не был принят, работа в данном направлении была продолжена, и уже в апреле 2012 г. Следственный комитет РФ направил обновленный и практически полностью переработанный вариант законопроекта об уголовной ответственности юридических лиц в межведомственную рабочую группу по противодействию незаконным финансовым операциям [7]. Представленный законопроект в меньшей степени, но все-таки содержит ряд спорных моментов - например, относительно круга преступлений, за совершение которых возможно привлечение организации к уголовной ответственности [8, с. 40], и др. Однако то обстоятельство, что законодатель предпринял шаги в сторону установления уголовной ответственности юридических лиц, наводит на мысль о возможной перспективе введения данного института в России в обозримом будущем.

Не вдаваясь, в научные споры о необходимости введения института уголовной ответственности юридических лиц, хотелось бы отметить, что необходимость принятия такой меры обусловлена рядом причин: размерами вреда, причиняемого преступными действиями таких субъектов; неэффективностью принимаемых мер административно-правового характера к организациям, совершившим правонарушения; сложностью установления всех обстоятельств совершенного деяния в связи с ограниченностью возможностей административного производства [9]; расширением возможности возмещения ущерба от преступления, совершенного организацией; приведением законодательства России как члена Совета Европы в соответствие с международными стандартами и рекомендациями, в том числе и по борьбе с корпоративной преступностью, включая введение уголовной ответственности юридических лиц, отсутствия механизма международного сотрудничества по делам об административных деликтах и др.

Игорный бизнес, как отдельный вид деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от предоставления услуг по организации и проведению азартных игр,

стал активно развиваться в нашей стране в конце XX-го века, получив широкую популярность во всех слоях российского общества [10, с. 54].

Установление уголовной ответственности юридических лиц за незаконные организацию и проведение азартных игр повысило бы эффективность возмещения ущерба от преступной деятельности. Организация обладает большими материальными средствами, на которые может быть наложено взыскание, по сравнению с физическим лицом (ее руководителем).

В ст. 14.1.1 КоАП РФ предусмотрена ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр в основном для юридических лиц. Административное законодательство играет превентивную роль и могло бы предупреждать аналогичное уголовно наказуемое поведение организации в дальнейшем. При введении уголовной ответственности юридических лиц за деяния, предусмотренные ст. 171.2 УК, в административном и уголовном законодательстве образовался бы комплекс норм, дополняющих друг друга.

В проекте Следственного комитета РФ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» [11] предложено внести дополнения в ст. 171.2 УК РФ следующего содержания:

«3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное организацией, – наказывается штрафом в размере до пяти миллионов рублей или штрафом в размере от пятидесяти до ста пятидесяти процентов от суммы полученного преступного дохода с лишением права заниматься определенным видом деятельности на срок до одного года либо без такового.

4. Деяние, предусмотренное частью третьей настоящей статьи, совершенное в особо крупном размере, – наказывается штрафом в размере от двух до восьми миллионов рублей или штрафом в размере от ста до трехсот процентов от суммы полученного преступного дохода с лишением права заниматься определенным видом деятельности на срок до полутора лет или без такового».

Определенный интерес в проекте вызывают альтернативные штрафные санкции, поставленные в прямую зависимость от суммы полученного преступного дохода, что позволит суду дифференцировать наказание, в каждом случае исходя из количества нелегальных игорных заведений, принадлежащих конкретному юридическому лицу, а также результатов преступной деятельности в денежном эквиваленте.

Однако, организаторами азартных игр в соответствии с Федеральным законом № 244-ФЗ от 29.12.2006 г. «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [12] могут быть только юридические лица. Понятие «организация», более широкое по смысловому содержанию, чем термин «юридическое лицо», под которым, согласно ч. 1 ст. 48 Гражданского кодекса России, понимается только такая организация, которая «имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде». В связи с чем, инициаторам законопроекта необходимо учесть этот момент и не использовать в диспозиции предлагаемых норм термин «организация».

Список использованной литературы:

1. Антонова Е.Ю. Юридическое лицо как субъект преступления: опыт зарубежных стран и перспективы применения в России : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Владивосток, 1998.

2. Смирнов Г.К. Характеристика проекта закона Следственного комитета России об уголовной ответственности юридических лиц // Проблемы формирования института уголовного преследования юридических лиц. СПб., 2012.

3. Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации. М., 2007.

4. Егорова Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции (управленческие преступления). Волгоград, 2006.

5. Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2011/proekt-site-dok.html> (дата обращения: 10.01.2015).

6. См., напр.: Егорова Н.А. Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц (оценка одного законопроекта) // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. 2011. № 2.

7. Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/04/13/focus/562949983550048> (дата обращения: 10.01.2015).

8. Егорова Н.А. Новый проект закона об уголовной ответственности юридических лиц: критический взгляд // Проблемы формирования института уголовного преследования юридических лиц. СПб., 2012.

9. Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц [Электронный ресурс] URL: <http://www.goslyudi.ru/> (дата обращения: 09.01.2015).

10. Лихолетов Е.А. Игровой бизнес в России: проблемы и перспективы развития // Инновационный вектор развития науки. Сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа. 2014.

11. Законопроект об уголовной ответственности юридических лиц [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/04/13/focus/> (дата обращения: 14.01.2015).

12. СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 7; СЗ РФ. 2014, № 30 (ч. 1), Ст. 4279.

© АА. Лихолетов, 2015

УДК - 347.5

В.А. Максимов,

преподаватель, кандидат юридических наук,
Санкт-Петербургский университет МВД России

**ОРГАН ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТ, ПУБЛИЧНО ОБЪЯВИВШИЙ
НАГРАДУ ЗА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СВЕДЕНИЙ, ИМЕЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ
ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ ИЛИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО
ДЕЯНИЯ, РОЗЫСКА ЛИЦ, СКРЫВАЮЩИХСЯ ОТ СЛЕДСТВИЯ, ДОЗНАНИЯ,
СУДА ИЛИ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШЕГО**

Основное условие действительности публичного обещания награды, как односторонней сделки, предполагает выражение воли одной стороны. В рамках нашего исследования ей являются органы внутренних дел Российской Федерации. Однако, для того, чтобы награда была выплачена, необходимо сообщение третьими лицами информации, за которую была обещана награда.

Таким образом нами определено, что при рассмотрении конкретных правоотношений имеются два вида субъектов:

- ОВД, который публично объявляет о награде за предоставление сведений, имеющих значение в связи с выявлением, раскрытием или расследованием противоправного деяния, розыском лиц, скрывающихся от следствия, дознания, суда или без вести пропавших - "призванный" субъект;
- Лицо, отозвавшееся на данное объявление о награде за предоставление сведений, имеющих значение в связи с выявлением, раскрытием или расследованием противоправного деяния, розыском лиц, скрывающихся от следствия, дознания, суда или без вести пропавших - "отозвавшийся" субъект;

Возможность участия ОВД в данных гражданско-правовых отношениях обусловлена тем, что данный элемент системы правоохранительных органов Российской Федерации наделен правами и обязанностями юридического лица [1, стр. 28 - 31]. Статус данного юридического лица закреплен в действующем Положении о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ от 01.03.2011 N 248 (ред. от 13.11.2014) "Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации". По его содержанию следует, что юридическим лицом может быть не только система органов внутренних дел в целом, но и ее отдельные структурные подразделения. Так, в ст. 20 Приказа МВД России от 21.04.2011 N 222 (ред. от 02.06.2014) "Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне" сказано "Территориальный орган является юридическим лицом, имеет печать с воспроизведением изображения Государственного герба Российской Федерации и со своим наименованием, самостоятельный баланс, лицевые счета, открываемые в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также необходимые для осуществления своей деятельности бланки, печати и штампы; выступает истцом и ответчиком в суде. Полное и сокращенное наименования территориального органа, а также его местонахождение (юридический адрес) указываются в положении о территориальном органе.", а в ст. 3 этого же приказа уточняется "Территориальные органы входят в состав органов внутренних дел Российской Федерации и подчиняются соответствующим министерствам внутренних дел по республикам, главным управлениям, управлениям МВД России по иным субъектам Российской Федерации "

В настоящей работе мы не будем давать подробный анализ органам внутренних дел как субъектов обязательственных отношений. Эта работа на наш взгляд уже проведена в науке гражданского права достаточной мере. Ограничимся лишь констатацией того факта, что ОВД, являясь органами исполнительной власти, выполняя возложенные на них задачи, вступают в различные гражданские правоотношения в лице созданных Министерством внутренних дел учреждений, основанных на праве оперативного управления. Поэтому все особенности гражданско-правового статуса учреждения, связанные прежде всего с имущественными правами и обязанностями, присущи и учреждениям ОВД.[2, с. 12].

Специфика деятельности органов внутренних дел определяет специальный характер их гражданской правоспособности. Это связано с тем, что наделение органов внутренних дел гражданской правоспособностью предполагает реализацию тех гражданских прав и обязанностей, которые служат цели выполнения задач, стоящих перед указанными органами. Как юридические лица, они могут совершать лишь такие гражданско-правовые действия, которые направлены на достижение поставленных перед ними задач, в отличие от граждан, способных иметь любые, предусмотренные законом права и обязанности. Наделение органов внутренних дел правами и обязанностями юридического лица,

обеспечивает их нормальное функционирование как участников гражданско-правовых отношений.

Таким образом, возможность участия органов внутренних дел в качестве субъекта, который публично объявляет о награде за предоставление сведений, имеющих значение в связи с выявлением, раскрытием или расследованием противоправного деяния, розыском лиц, скрывающихся от следствия, дознания, суда или без вести пропавших, является абсолютно законным и обоснованным, так как полностью соответствует действующей доктрине гражданского права, законодательству РФ и специальной правоспособности самого ОВД как юридического лица, так как направлено на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечению общественной безопасности.

Как показывает практика, многие граждане не ориентируются в вопросах публичного обещания награды за предоставление сведений, имеющих значения для МВД России, поимку преступника, розыск безвести пропавшего лица в силу отсутствия широкого применения данного института в практической деятельности правоохранительных органов.

В заключение хотелось бы сделать следующие выводы.

Во-первых, центральным субъектом, объявляющим публичное обещание награды за предоставление сведений, имеющих значение для правоохранительных органов необходимо сделать Министерство внутренних дел России, как субъекта правоохранительной системы, обладающего наибольшей компетенцией по раскрытию и расследованию различного рода противоправных деяний, и закрепить данное положение в законодательстве Российской Федерации.

Во-вторых, детально проработать вопросы финансирования исследуемых правоотношений, учитывая, что оно должно быть организовано на уровне МВД России, что обеспечит его прозрачность и существенно расширит возможности контроля финансирования.

Список использованной литературы:

1. Стамкулов У.М. Органы внутренних дел как юридические лица: Лекция. - Караганда, 1986. С. 10; Фролов А.Д. Юридические лица: Лекция / УВШ МВД РФ. - Уфа, 1993.
2. Киричук И. Б. Организация и деятельность органов внутренних дел как предмет правового регулирования: дис.... канд. юрид. наук. М., 1991. 186 с.
3. Применение норм гражданского права и процесса в деятельности органов внутренних дел: Учебно-практическое пособие / Отв. ред. Волошин Н.П. - М, 1972.
4. Мищенко А.А. Правовой статус начальника как основного субъекта управления горрайорганом внутренних дел: Диссертация к. ю. н. / Академия МВД СССР. - М.. 1989.
5. Максимов В.А. Право хозяйственного ведения субъектов системы МВД России: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. СПб, 2007. 22 с.
6. Смирнов В.И., Желонкин С.С. Историко-правовое развитие учения о сделках, как одном из юридических факторов // Современная наука. 2010. № 3. С. 43-47.
7. Желонкин С.С. О противоправности и неправомерности действия, образующего состав недействительной сделки // Мир экономики и права. 2009. № 38. С. 38

© В.А. Максимов, 2015

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

На сегодняшний день незаконная миграция в Российской Федерации является серьезной проблемой, что обуславливает актуальность рассмотрения вопросов, связанных с законодательным регулированием современных миграционных процессов.

Обеспечение реализации целей миграционной политики, предусмотренных в утвержденной Президентом Российской Федерации «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года», привело к усовершенствованию российского миграционного законодательства по следующим основным направлениям [2]:

1) ограничение срока пребывания в России, который теперь не может превышать 90 суток суммарно в течение каждого периода в 180 суток, то есть иностранный гражданин, выехав из России через 90 дней, сможет вернуться обратно только по истечению еще 90 дней (случае нарушения иностранным гражданином срока пребывания, его ждет административный штраф с депортацией либо запрещение въезжать на территорию России при попытке въехать в следующий раз)³;

2) усиление ответственности за нарушение правил регистрации и миграционного учета (с 2014 года введена уголовная ответственность), а также увеличение штрафов:

- за фиктивную регистрацию штраф составит от 100 до 500 тыс. руб. или будет равен доходу осужденного за период до 3 лет;

- за проживание без регистрации с 2 до 3 тысяч рублей;

- для собственников квартир, где живут граждане без регистрации - с 2,5 до 5 тысяч рублей.

- для организаций - от 250 до 750 тысяч рублей.

- для чиновников, осуществивших регистрацию граждан с нарушением законодательства - от 25 до 50 тысяч рублей.

Выявлять нарушения правил регистрации и миграционного учета поручено Федеральной миграционной службе и Министерству внутренних дел.

3) усиление контроля за въездом и пребыванием иностранных граждан в России⁴, основание для запрещения въезда иностранных граждан может стать наличие правонарушений административного характера, например нарушение общественного порядка или правил дорожного движения;

4) ограничения в трудовой деятельности: в 2014 году правительством установлена допустимая доля иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами в сфере розничной торговли и в области спорта, например, в сфере розничной торговли фармацевтическими товарами предусмотрена нулевая квота, в области спорта доля иностранцев составит 25%;

5) введение для иностранных граждан патентов, являющихся разрешением, необходимым при трудоустройстве у юридических лиц, только 1,6 миллиона иностранцев получают возможность работать в России в 2014 году;

³ Федеральный закон от 15 августа 1996 года N 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»; Федеральный закон от 25 июля 2002 года N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

⁴ Дополнен Федеральный закон от 15 августа 1996 года N 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

6) утверждение идентификационного номера налогоплательщика (ИНН) как обязанности для всех иностранных граждан;

7) сокращение квот на разрешение временного проживания: в 2014 году в России будет выдано 95 тысяч 880 разрешений на временное проживание для иностранных граждан и лиц без гражданства (наблюдается сокращение на 30 % выделяемых квот по отношению к 2013 годом). Установление квоты в каждом субъекте Российской Федерации осуществляется с учетом миграционной ситуации в регионе и его экономического положения. Больше всего иностранных граждан могут приехать в Московскую область, для нее предусмотрено семь тысяч разрешений на временное проживание. А меньше всего - в Ненецкий автономный округ и Калмыкию, у этих регионов всего по 50 разрешений. По федеральным округам лидером по привлечению иностранных граждан на временное проживание станет Центральный федеральный округ - всего 28 тысяч 050 разрешений.

На уровне города Москвы, привлекающей иностранных граждан самым высоким уровнем заработной платы по стране, также были проведены преобразования в сфере регулирования миграционной сферы[3]. Серьезные меры были направлены на устранение нелегальной миграции посредством использования законодательных и исполнительных инструментов: закрыты крупнейшие «рассадники» преступности: более 30 розничных рынков, базары у вокзалов, ларьки и палатки; произведена замена мигрантов на граждан России в городских учреждениях и в сфере жилищного сектора («Автомобильные дороги», «Жилищник»); поддержание правительством Москвы ужесточения законов в отношении борьбы с незаконной миграцией.

Стоит отметить, что данные преобразования в миграционной сфере пока не привели к желаемому результату[1]. Проблема нелегальной миграции по-прежнему является острой, а вопросы, связанные с миграционной политикой, являются одними из главных среди проблем социально-экономической стратегии России на период до 2020 года.

Список использованной литературы

1. Бутова Т.В. Особенности внутренней миграции в ЦФО. В сборнике: Научные аспекты глобализационных процессов. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, Республика Башкортостан, 2014. С. 44-46.

2. Исмаилов Б. Обзор миграционных нововведений в России в 2014 году. Международное информационное агентство «Фергана». URL: [http:// www.grf.ru/ smi- onas/ publikatsii/202-obzor-migracziionnyx-novovvedenij-v-rossii-v-2014-godu.html](http://www.grf.ru/smi-onas/publikatsii/202-obzor-migracziionnyx-novovvedenij-v-rossii-v-2014-godu.html)

3. Собянин С. Отчёт о результатах деятельности Правительства Москвы в 2012–2013 гг.

© Е.И. Москвитина, 2015

УДК 341.96

А. В. Нелобина

Студентка 4 курса

Факультет международного права

Юридический институт

Иркутский государственный университет

Г. Иркутск, Российская Федерация

ПОНЯТИЕ «ПОТРЕБИТЕЛЬ» В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ

В понимании российского обывателя потребителем является лицо, которое покупает, потребляет что-либо. В толковом словаре Ожегова содержится похожее разъяснение данного термина в прямом значении: «Лицо или организация,

потребляющие продукты чьего-нибудь производства» [1, с. 357]. Так и в правовой сфере нет единообразного толкования данного термина ни на международном, ни национальном уровне. Однако проблема раскрытия содержания понятия «потребитель» является весьма существенной, поскольку посредством толкования данного термина решается ряд вопросов, связанных с защитой самого потребителя, определением права, подлежащего применению в отношениях с иностранным элементом.

В самом упрощенном варианте потребитель – конкретное физическое лицо, выступающее в роли, не связанной с предпринимательской деятельностью. Ряд ученых-юристов предлагает рассматривать данное понятие через призму «предпринимателя» как «лицо, которое, хотя и действует от собственного имени и за свой счет, но не в целях получения прибыли и не в целях получения своих регулярных доходов как условия удовлетворения жизненных потребностей» [2, с. 1179]. Основополагающими в данном случае будут такие элементы, как отсутствие материальной выгоды в виде прибыли и доходов вообще, направленность деятельности потребителя на удовлетворение своих собственных нужд. Для предпринимателя потребитель выступает конечным получателем его экономической деятельности, то есть окончательным пользователем продукции или услуг.

Спорным в зарубежном законодательстве является вопрос об определении потребителя в качестве физического лица. Данной позиции придерживается, в частности, Суд ЕС, европейские государства в своей практике допускают иное. В немецком праве, не смотря на законодательное закрепление в Гражданском кодексе потребителя как любого физического лица, которое совершает действия, не относящиеся ни к профессиональной, ни к предпринимательской деятельности, существует возможность участия в качестве потребителя организаций, созданных для защиты определенных интересов, если в их составе присутствуют физические лица, объединившиеся в данную организацию с целью защиты своих прав и интересов. Близкой точкой зрения располагают Венгрия, Франция, Великобритания, где потребителем может выступать и юридическое лицо, являющееся конечным пользователем, исключая предпринимательскую цель такого пользования, то есть удовлетворение личных нужд и интересов такого лица.

Если рассматривать акты Европейского Союза, то нужно отметить, что определения потребителя несколько различаются в отдельных директивах. Так, в действующей ранее Директиве 85/577/ЕЭС потребитель рассматривался как физическое лицо, которое совершает действия с иной целью, нежели связанной с его профессиональной или предпринимательской деятельностью, Директива 90/314/ЕЭС определяет потребителя как лицо, которое заказывает туристические услуги, или лицо, действующее от имени такого лица, или же лицо, в пользу которого передаются данные услуги. В 2011 году была принята Директива ЕЭС, в которой под "потребителем" понимается любое физическое лицо, которое действует в целях, лежащих вне его торговой, деловой, ремесленной или профессиональной деятельности при заключении контрактов, регулируемых данной Директивой. Определения, содержащиеся в этих актах, несколько разнятся, но это не говорит об их противоречии друг другу, отнюдь, это подтверждение общего европейского регулирования исследуемого понятия в рамках определенных областей отношений, входящих в предмет действия указанных актов. Наконец, Регламент (Рим I) называет потребителем физическое лицо, заключающее договор с целью, которая не имеет отношения к его профессиональной или предпринимательской деятельности –

данное определение является наиболее приемлемым и основополагающим в общеевропейском регулировании отношений с участием потребителя.

Российское законодательство рассматривает в качестве потребителя гражданина, имеющего намерение заказать или приобрести либо заказывающего, приобретающего или использующего товары исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [3]. Указание на гражданина обуславливается пониманием потребителя в широком и узком смыслах, где к первому относятся как граждане, так и организации, в узком же смысле - исключительно граждане, потребляющие товар для личных нужд. Тем самым законодатель четко очерчивает круг субъектов, которые могут выступать в качестве потребителя, поскольку определяет его именно в узком смысле, исключая юридических лиц из возможных участников подобных правоотношений, так как обратное ставит в неравное положение контрагентов потребителя, снабжая юридическое лицо в качестве потребителя дополнительными возможностями наряду с имеющимися финансовыми, бухгалтерскими и юридическими службами. Примечательным является и то, что законодатель дополняет определение отсутствием связи потребления товаров с осуществлением предпринимательской деятельности в редакции ФЗ «О защите прав потребителей» 1999 года, что до того времени в формулировке понятия «потребитель» отсутствовало, а фраза «для личных бытовых нужд», вводила в заблуждение правоприменительную практику российских судов [4, с. 20]. Однако до сих пор единого понимания термина «потребитель» нет, поскольку в ФЗ «О введении в действие части второй ГК РФ» 1995 года содержится устаревшая дефиниция, что приводит к выводу о существовании двух законодательно закрепленных понятий.

Таким образом, общим в определении понятия «потребитель» как в зарубежном, так и в российском законодательстве является направленность деятельности данного лица на удовлетворение собственных (личных) нужд, российский законодатель при этом уточняет, что наравне с таковыми понимается удовлетворение семейных, домашних и иных нужд; отсутствие связи этой деятельности с предпринимательской, извлечением прибыли. Отличительной особенностью зарубежного определения выступает возможность участия в потребительских отношениях юридических лиц и организаций как объединений физических лиц для защиты собственных интересов с оговоркой об отсутствии предпринимательской направленности, в то время как российское законодательство называет потребителя исключительно гражданином.

Список использованной литературы:

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 2000. – 940 с.
2. Европейское международное частное право - договорные связи и обязательства: в 2 томах / А. И. Белоглазков ; Отв. ред. пер. Т. В. Фиников, С. А. Чикурлий. – Киев: Таксон, 2010. – Т. 2. – 2010. – 1566 с., [LXXIV].
3. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. (в редакции Закона от 9 января 1996 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 3. Ст. 140.
4. Богдан, В. В. Эволюция понятия «потребитель»: анализ новых подходов / В. В. Богдан // Известия юго-западного государственного университета. – 2012. – № 4-1. – С. 19-24.

© А. В. Нелобина, 2015

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В силу относительной новизны российского конституционного правосудия и присущих ему особенностей оно в наибольшей степени по сравнению с другими разновидностями судебной процедуры обременено различными проблемами, специфическими лишь для данного способа осуществления судебной власти. Их разрешение с помощью набора предусмотренных законом процессуальных средств, как это обычно происходит в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве, нередко вызывает значительные трудности, поскольку в отличие от классических видов судопроизводства, правила которых сосредоточены в соответствующих процессуальных кодексах, порядок конституционного судопроизводства определяется законодательством во многих аспектах в самой общей форме. Восполнить возникающие в связи с этим пробелы в регулировании процессуальных отношений за счет норм регламента, принимаемого самим конституционным судом, не всегда удается, тем более что некоторые проблемы конституционного правосудия обычными процессуальными средствами разрешить невозможно.

Нагляднее это проявляется в деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, вынужденных осуществлять правосудие в условиях отсутствия в большинстве регионов страны органов конституционной судебной юрисдикции. В последние годы процесс их создания несколько активизировался, но по-прежнему остается верным высказанное ранее в литературе мнение, что конституционное правосудие на уровне субъекта Российской Федерации находится в эмбриональном состоянии [1. с. 9].

На первоначальном этапе его становления органы конституционной судебной юрисдикции создавались лишь в отдельных республиках (первым в 1991 г. учрежден Конституционный суд Республики Дагестан). И только в 1998 г. такой орган был образован также в регионе, не имеющем статуса республики (Уставный суд Свердловской области). Прошло более 20 лет, и на сегодняшний день их имеют лишь 17 субъектов Российской Федерации, причем 14 из них (конституционные суды) созданы в республиках, а на остальные регионы (уставные суды) приходится всего 3.

Конституция Российской Федерации в главе 7 «Судебная власть и прокуратура» органы конституционной судебной юрисдикции на региональном уровне непосредственно не называет, однако она предусматривает в части 1 статьи 77, что система органов государственной власти субъектов Российской Федерации устанавливается ими самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом. Данное положение не наделяет регионы полномочием создавать собственные суды по своему усмотрению, поскольку судоустройство относится к исключительному ведению Федерации и судебная система устанавливается федеральной Конституцией и федеральным конституционным законом. Однако во взаимосвязи с Федеральным конституционным законом «О судебной системе

Российской Федерации», который конституционные (уставные) суды относит к органам судебной власти субъектов Федерации, на федеральном уровне создает необходимую конституционно-правовую основу для учреждения в каждом регионе собственного органа конституционной судебной юрисдикции.

Важное ориентирующее значение для регионального законодателя при принятии нормативных правовых актов об организации деятельности конституционного (уставного) суда в том или ином субъекте Российской Федерации и установлении его полномочий имеют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные в решениях по вопросам, относящимся к проблематике конституционного судопроизводства как одной из форм осуществления государственной власти на региональном уровне [2, с. 26]. Соответственно такие решения также следует относить к федеральным правовым актам, определяющим правовую основу деятельности органов региональной конституционной юстиции. В своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что Конституция Российской Федерации устанавливает единую судебную систему страны и не предполагает в качестве самостоятельных судебных системы субъектов Российской Федерации [3, с. 29]. Однако это не означает, что мировые судьи и конституционные (уставные) суды, олицетворяя в своей совокупности судебную власть на региональном уровне, не представляют собой соответствующее системное образование в структуре органов государственной власти субъекта Федерации, будучи одновременно элементом более сложной судебной системы страны, основанной на принципе единства.

На протяжении всего времени после принятия Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» неоднократно вносились предложения упразднить в некоторых субъектах органы конституционной юстиции, а их полномочия передать судам общей юрисдикции на уровне субъекта. Ликвидация конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации представляется нецелесообразной по нескольким основаниям.

Во-первых, только конституционные (уставные) суды обладают полномочием по толкованию конституций (уставов) соответствующих субъектов Федерации.

Во-вторых, передача судам общей юрисдикции полномочий по проверке на соответствие конституции (уставу) субъекта нормативных правовых актов, принятых органами государственной власти субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления, приведет к тому, что судья, еще вчера рассматривавший гражданско-правовой спор, сегодня будет разрешать конфликт между органами власти. Кроме того, возникает вопрос: в порядке какого вида судопроизводства будет рассматриваться дело – гражданского или конституционного?

Следует согласиться с мнением С.А. Татаринова, что суды общей юрисдикции ограничиваются проверкой актов лишь с точки зрения их законности или обоснованности. Если к этому добавить загруженность судов общей юрисдикции, их излишний формализм и догматизм при рассмотрении дел, нежелание вникать в суть конституционных принципов российского права, то зачастую все вышеперечисленное порождает принятие ими неверных решений [4, с. 22]. Как показывает мировая практика, деятельность специализированных органов конституционного контроля является наиболее эффективной [5, с. 474].

По мнению Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации выступают медиаторами в отношениях между властью и обществом и в то же время являются определенной гарантией для государственной власти и страны в целом [6, с. 13].

Трудно согласиться с распространенным в литературе мнением о неразвитости и противоречивости установленной на федеральном уровне правовой основы, как чуть ли не главной причине пассивности региональных властей при решении вопроса о создании собственных органов конституционной судебной юрисдикции [7, с. 17]. Напротив, федеральные правовые нормы ясно, четко и недвусмысленно ориентируют субъекты Российской Федерации (при условии соблюдения принципа единства государственной власти в Российской Федерации) на реализацию ими конституционных полномочий по самостоятельному достраиванию системы собственных органов государственной власти на основе ее разделения посредством учреждения региональной конституцией (уставом) конституционного (уставного) суда.

Соответственно проблема отсутствия конституционного (уставного) суда в конкретном субъекте Российской Федерации относится в большей степени к сфере правовой политики данного региона. Федеральная правовая основа для ее разрешения имеется, необходимо лишь на уровне региона принять решение о создании на своей территории органа конституционной судебной юрисдикции. Федеративное устройство России основано не только на ее государственной целостности, но и на разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти. Свою часть пути в данном случае Федерация прошла, предусмотрев в качестве обязательного элемента судебной системы субъекта Российской Федерации мировых судей, финансируемых из федерального бюджета, и предоставив регионам право самостоятельно учреждать конституционные (уставные) суды, финансируемые за счет средств своего бюджета.

Вместе с тем сказанное не означает, что федеральное законодательство, относящееся к сфере конституционного (уставного) судопроизводства, не требует совершенствования.

В связи с недостаточно динамичным развитием конституционной юстиции в регионах представляется необходимым и целесообразным внесение изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» следующего характера. Поскольку отсутствие в субъектах Российской Федерации органов конституционной судебной юрисдикции не позволяет реализовать на деле принципы федерализма и разделения властей, то для устранения подобного пробела необходимо, чтобы правовая норма, регламентирующая создание конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации, носила императивный характер.

Также представляется необходимым продолжить совершенствование законодательства о конституционном (уставном) правосудии в Российской Федерации. Вследствие чего необходимо принять специальный федеральный закон «Об общих принципах осуществления конституционного правосудия в Российской Федерации», в котором были бы урегулированы все вопросы организации конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации.

По мнению Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, формирование конституционного мировоззрения необходимо всем слоям и группам российского общества, особенно юристам, и прежде всего судьям [8].

При анализе причин, в силу которых регионы не спешат создавать на своей территории органы конституционной судебной юрисдикции, в литературе, кроме критики в адрес федерального законодателя, обычно ссылаются на нежелание представителей властных структур в субъектах Российской Федерации включать в их систему новый контролирующий орган, на отсутствие специалистов в области конституционного права, на соображение материального порядка, поскольку содержание конституционного (уставного) суда требует значительных средств [9, с. 29]. Возможно, указанные причины и играют

некую роль при принятии соответствующих решений, однако вряд ли они имеют определяющее значение. Наглядным примером тому является Москва с ее кадровым потенциалом и относительным финансовым благополучием, на которую в силу ее столичного статуса ориентируются многие регионы, так же как и она, не спешащие создавать конституционный (уставный) суд.

В обоснование необходимости создания конституционных (уставных) судов во всех субъектах Федерации кроме требований по обеспечению равных возможностей по реализации конституционного права на судебную защиту ссылаются также на принцип разделения властей, который при отсутствии в регионе конституционной юстиции действует в усеченном виде.

Стоит заметить, что на сегодняшний день нагрузка судей конституционных (уставных) судов достаточно скромная. Но не следует забывать, что конституционное правосудие не есть рассмотрение конкретного юридического спора противоборствующих сторон (физических или юридических лиц) с исследование фактических обстоятельств дела с вынесением решения в пользу той или иной стороны. Это достаточно абстрактное рассмотрение вступивших в противоречие с конституцией (уставом) субъекта Федерации нормативных правовых актов имеющих менее значимую юридическую силу на их соответствие с точки зрения в первую очередь Конституции Российской Федерации и федерального законодательства. Эти дела требуют большей тщательности и профессиональной отдачи, чем любое иное, да и последствия судебной ошибки чреваты намного более ощутимыми последствиями, так как они распространяются иногда на все население субъекта Российской Федерации или касаются основ деятельности органов власти субъекта Российской Федерации. Сравнивать в количественном соотношении рассмотренные дела с судами общей юрисдикции – значит не знать глубины вопроса и возможных последствий.

Список использованной литературы:

1. Кряжков В. Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3. С. 9.
2. Петров А.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 3. С. 25-32.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.02.1996 № 3-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1996. № 1. С. 29.
4. Татаринов С.А. Некоторые вопросы размежевания компетенции между Конституционным Судом Российской Федерации и судами общей и арбитражной юрисдикции в сфере осуществления нормоконтроля // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 4. С. 22.
5. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010. С. 474.
6. Информация о работе Консультативного совета председателей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Вестник Конституционного суда Республики Татарстан. Спец. выпуск. 2010. С. 13.
7. Муратшин Ф.Р. Судебный федерализм: проблемы юридической идентификации судов // Правовое государство. 2013. № 1. С. 17-18.
8. Зорькин, В.Д. Освободительные реформы и правовая модернизация России: Доклад на научно-практической конференции «Великие реформы и модернизация России» (Санкт-Петербург, 03.03.2011 г.)

9. Безруков А.В., Казанцев А.О. О необходимости создания и совершенствования компетенции конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 2. С. 29.

© А.С. Опанасенко, 2015

УДК 343.985.2

А.Г. Патрикеев

Адъюнкт Краснодарского университета МВД России
г. Краснодар, Российская Федерация

ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Развитие современных информационных технологий привело к существенному изменению характера современной профессиональной российской преступности. Совершение таких преступлений представляет наибольшую общественную опасность и наносит наибольший ущерб по сравнению с общеуголовной преступностью в сферах защиты прав личности, информационной безопасности, экономики, национальной безопасности, финансов. Использование преступниками новых информационных технологий позволяет подготавливать, совершать и скрывать преступления, а так же противодействовать расследованию бесконтактным способом. В процессе непосредственного совершения преступления преступники выполняют свои распределенные преступные роли, находясь вдали друг от друга, поддерживая связь в режиме реального времени, а их сообщники будут уничтожать информационные следы преступлений. Поэтому процесс совершения преступления стал более недоступный и скрытый для традиционного способа собирания доказательств по уголовным делам.

Принимая внимание изменившийся характер тенденции современной преступности, Уголовный кодекс Российской Федерации ввел новые составы преступлений и по-новому сформулировал объективную сторону деяний.

В этой связи повышается значение и роль специальных знаний в криминалистике. Специальные знания - это навыки и умения в области техники, науки, искусства или ремесел, приобретенные при получении специального образования или в процессе практической деятельности по определенной специальности.

Исходя из введенного правового понятия можно предположить, что законодатель имеет в виду особый характер и уровень специальных знаний: это не юридические, не общедоступные знания, не общеизвестные, которыми располагает ограниченный круг людей. Носителей специальных знаний именуют в криминалистической науке и практике сведущими лицами.

Представители иных областей знаний, как правило, некомпетентны в юридической природе доказательств, но и они могут обратить внимание следователя на некоторые специфичные обстоятельства, позволяющие способствовать обнаружению, закреплению и изъятию доказательств. Поэтому, в качестве специалиста можно привлечь и лицо, не обладающее криминалистическими знаниями.

Специальные знания складываются из знаний, умений и навыков, которые используют во всех сферах человеческой деятельности. Криминалистические знания это

незначительную их часть. Главное отличие криминалистических знаний от всех иных состоит в том, что их носители специализируются на обнаружении, закреплении и изъятии материально фиксированных источников криминалистически значимой информации, т.е. это специалисты, чья деятельность постоянно связана с расследованием преступлений.

Использование специальных знаний способствует привнесению научных начал в работу со следами, позволяет эффективно использовать сокрытую в них информацию в целях обеспечения расследования преступлений. Преступление может считаться расследованным, если удастся из окружающей среды "вычленить" те изменения, вызванные событием преступления; познать запечатленную в них информацию; на основе познания информации максимально воссоздать систему преступной деятельности во всех ее аспектах.

Подобным образом только в ходе судебно-медицинского исследования может быть установлена степень тяжести вреда здоровью и, следовательно, возможна правильная квалификация преступления.

Работники медицинских учреждения способствуют установлению степени вменяемости и тяжести психологического заболевания лица, совершившего преступление.

Криминалистическое значение определяется так же использованием специальных знаний и ИТ позволяет более правильно и быстро узнать обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу. Обращение специалиста к многочисленным криминалистическим учетам, базам данных, справочным службам позволяет оперативно получить нужную доказательственную информацию и превратить ее в уголовно-процессуальные доказательства.

Более того, процесс собирания доказательств, основанный на достижениях науки и техники, становится эффективным и цивилизованным. Сотрудникам следственного органа и органа дознания не нужно будет применять неприемлемые способы воздействия на личность для получения признаний, если доказательства можно будет собрать научно-техническим путем, даже без участия подозреваемого. В результате привлечения сведущих лиц повышается достоверность доказательств, что приводит к их объективизации.

Порядок привлечения специалистов экспертно-криминалистических подразделений по применению экспертно-криминалистических средств и методов в оперативно-розыскной деятельности регламентируется законодательством РФ об оперативно-розыскной деятельности, нормативными правовыми актами МВД России [1], а также наставлением по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России [2].

Сотрудник экспертно-криминалистических подразделений при проведении предварительного исследования применяет только те методики, которые не могут вызывать изменения вида и свойств объектов исследования и не исключают возможности, в случае необходимости, последующего производства судебной экспертизы.

Применение специальных познаний непосредственно следователем необходимо для оценки заключений экспертов, являющихся в соответствии с законом источником судебных доказательств, а выводы эксперта - доказательством. Отправляясь от этих бесспорных положений, нельзя, переоценивать выводы эксперта, принимая их на веру, без должного критического отношения, недооценивать возможности следователя в установлении доказательственных фактов.

Специфика участия специалиста в следственных действиях заключается в том, что статья 168 УПК "Участие специалиста" изложена таким образом, что позволяет следователю привлечь специалиста к участию в любом следственном действии. Поэтому следователь определяет целесообразность привлечения специалиста к тому или иному следственному действию с учетом конкретной следственной ситуации.

Значение участия специалиста позволяет получить следователю необходимые консультации, подготовить технико-криминалистические средства фиксации, более тщательно подготовиться к проведению планируемого следственного действия. Полученная в ходе допроса информация способствует более целенаправленному проведению обыска, обнаружению инструментов, оборудования, веществ, материалов, и др.

Некоторые выводы, определяющие роль и значение использования специальных знаний и информационном обеспечении криминалистической деятельности при доказывании преступлений:

В условиях роста преступности, улучшения технической оснащенности и повышения образовательного уровня преступников, появления ее организованных форм, с одной стороны, и расширением состязательности, в том числе досудебного производства, и связанным с этим повышением требовательности судов к качеству предварительного следствия - с другой повышается роль и значение специальных знаний в раскрытии преступлений.

Привлечение специалистов других профессий, обладающих специальными, научными знаниями, способствует привнесению научных начал и научных достижений в работу со следами, позволяет эффективно использовать сокрытую в них информацию в целях расследования преступлений.

Криминалистическое значение использования специальных знаний связано с повышением эффективности извлечения информации о преступлении и его участниках из материальных следов (вещественных доказательств).

Привлечение сведущих лиц в совокупности с использованием компьютерно-технических и программных средств позволяет наиболее быстро, полно и точно обнаружить, зафиксировать, изъять и исследовать материальные цифровые следы в компьютерных системах и превратить их в доказательства.

Применение информационно – криминалистических и технико-криминалистических средств дает возможность выявлять невидимые следы преступлений, превращать их в доказательства, которые будут свидетельствовать "красноречивее" свидетелей и потерпевших.

Дальнейшее развитие научных знаний позволяет внедрять в практику криминалистического расследования новые методики исследования и новые способы извлечения криминалистически значимой информации и идентификации объектов.

Список использованной литературы:

1. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия - обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: Приказ МВД Рос. Федерации от 30 марта 2010 г. N 249 // Рос. газ. 2010. 7 июля.
2. Приказ МВД России от 11 янв. 2009 г. N 7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

© А.Г. Патрикеев, 2015

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРАВ, ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ И БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

При изучении и анализе уголовно-процессуального законодательства, а также из сложившейся практики расследования уголовных дел становится очевидным, что законодателем не достаточно внимания уделено такому немало важному аспекту как соблюдение прав и законных интересов, а также обеспечение безопасности отдельных участников уголовного процесса – потерпевших и свидетелей. Законодатель в основном акцентирует внимание на расширении прав подозреваемых и обвиняемых.

Так в статье 10 УПК РФ и Конституции Российской Федерации разъяснены принципы неприкосновенности личности, то есть в отсутствии законных оснований предусмотренных УПК никто не может быть подвергнут задержанию или заключению под стражу.[1]

Статья 11 УПК РФ предусматривает охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Так согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ в случаях наличия достаточных оснований, об угрозах убийством, уничтожением или повреждением имущества потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, следователь или дознаватель принимают меры безопасности, предусмотренные статьями 166 частью девятой, 186 частью второй, 193 частью восьмой, 241 пунктом 4 части второй, и 278 частью пятой Уголовно-процессуального Кодекса, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации.[2]

Часто на практике возникают сложности с проведением очных ставок потерпевших и свидетелей с подозреваемыми и обвиняемыми. Во многих случаях потерпевшие и свидетели отказываются являться на очную ставку с подозреваемыми и обвиняемыми, так как боятся за свою безопасность. Данное обстоятельство вызвано коллизией в действующем процессуальном законодательстве, не предусматривающем применения действенных мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при производстве очной ставки.

На практике часто встречаются случаи угроз физической расправы со стороны подозреваемых, обвиняемых в адрес потерпевших и свидетелей.

Е.Г. Мартыничук предлагает в своей работе для обеспечения безопасности потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников и близких лиц в протоколе очной ставки, в которой участвовали перечисленные субъекты, не приводить данные об их личности в соответствии с (ч. 9 ст. 166 УПК РФ) [3]. Однако, как поступить, если подозреваемый или обвиняемый запомнил внешность потерпевшего или свидетеля, чем получил возможность (самостоятельно или через своих знакомых) реализации мер воздействия на указанных лиц, вплоть до физической расправы.

Более сложная ситуация складывается в случаях, когда подозреваемый, обвиняемый и потерпевший или свидетель ранее знакомы между собой. Возникает вопрос, каким образом возможно обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей. Большинство ученых, Е.В. Демченко, Т.П. Бутенко, О.А. К.Б. Калиновский занимавшихся проблемами обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, данный вопрос оставили без должного внимания [4].

Согласно ст. 52 Конституции РФ - права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Тем не менее, Российский законодатель, по нашему мнению, не достаточно уделяет внимания обеспечению прав потерпевших и свидетелей. Субъектами противоправной деятельности преступников являются потерпевшие и от их дальнейших показаний зависит судьба подозреваемых, обвиняемых. В Российской Федерации особую значимость приобрела проблема предупреждения преступлений в отношении участников уголовного судопроизводства. Ведь именно потерпевшие являются наиболее уязвимыми, так как именно на них оказывается давление со стороны подозреваемых, обвиняемых, их защитников, либо родственников или знакомых, которые различными способами (угрозами применения насилия к ним, либо их родным, порчи их имущества и др.) склоняют потерпевших к изменению показаний и искажению реальных событий в пользу подозреваемых, обвиняемых. Аналогичным образом преступники поступают со свидетелями, которые дают показания «не в их пользу», содействуя следствию в раскрытии преступления. Во многих случаях свидетели, имеющие информацию об интересующих следствие деталях произошедшего преступления, отказываются давать изобличающие показания, что обусловлено отсутствием уверенности, культивируемой страхом за свою безопасность и безопасность своих близких, в том, что правоохранительные органы обеспечат им надлежащую защиту от давления на них со стороны преступников.

Большую ролью в решении проблемы правовой защиты потерпевших и свидетелей явилось принятие Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», где перечислены меры социальной поддержки и безопасности потерпевших, свидетелей и иных лиц судопроизводства, а также права и обязанности защищаемых лиц и органов, обеспечивающих государственную защиту.[5]

Предметом внимания ученых и специалистов является обеспечение прав подозреваемых и обвиняемых, которые значительно шире, чем права потерпевших и свидетелей. Недостаточное, на наш взгляд, внимание законодателя к данной проблеме не только не гарантировало надлежащей защиты и безопасности потерпевших, но и в ряде случаев приводило к их гибели.

С целью обеспечения прав и законных интересов участников предварительного следствия в ст. 6 Федерального закона № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» указаны меры безопасности, которые обеспечивают комплекс мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и других участников процесса от преступных посягательств со стороны подозреваемого и обвиняемого. Так с целью защиты свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства законодателем предлагается органу, осуществляющему государственную защиту в качестве меры безопасности переселить на другое место жительства, либо заменить документы, изменить фамилию имя отчество, паспортные данные. Также как вариант возможных мер защиты предлагается выдача индивидуальных средств специальной защиты, защиты связи и оповещения об опасности, личная охрана и охрана имущества, изменение места работы, службы или учебы, изменение внешности, изменение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, временное помещение в безопасное место.

По нашему мнению перед допросом потерпевшего или свидетеля им наряду с разъяснением норм УПК об ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний, также должны разъясняться положения о праве на защиту их безопасности со

стороны правоохранительных органов. Многие свидетели и потерпевшие отказываются идти в правоохранительные органы, даже если у них имеется значимая о преступлении информация, будучи не осведомленными о своих правах на защиту и опасаясь за собственную безопасность. Также считаю, что законодательно необходимо дополнить возможные меры безопасности для потерпевших и свидетелей и дать возможность давать показания с применением видеозаписи в маске и с изменением голоса, после чего не вызывать их дополнительно на очную ставку с подозреваемым, обвиняемым, а обойтись воспроизведением данной видеозаписи указанным лицам.

Список используемой литературы:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11 -ФКЗ) // Рос. газ. - 1993. - № 237.
2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс», 2014.
3. Е.Г. Маргынчук доктор юридических наук, профессор Курский государственный технический университет «Очная ставка на досудебном производстве: процессуальные и криминалистические аспекты. // [Электронный ресурс], 2004.
4. См., напр.: Е.В. Демченко «Проблемы обеспечения безопасности потерпевших». // [Электронный ресурс]; Т.П. Бутенко «Проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства». // [Электронный ресурс]; К.Б. Калиновский «Меры по защите участников уголовного процесса как общее условие предварительного расследования в российском уголовном процессе. // [Электронный ресурс];
5. Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства (с изм. От 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ). // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс», 2014.

© О.А. Решняк, 2015

УДК 34

Т.Ф. Скогорева

доцент кафедры
организации следственной работы
УНК по ПС в ОВД, к.ю.н
Волгоградская академия МВД России

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ, С ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Проблеме содержания и форм организации взаимодействия следователя с органом дознания в разные годы процессуалистами и криминалистами уделялось много внимания. Значение этих трудов для практики очевидно, так как они

заложили фундамент для развития методологических и процессуальных основ взаимодействия служб, подразделений территориальных органов МВД России, осуществляющих раскрытие, расследовании преступлений. Общность и сложность стоящих перед следователями и органами дознания задач при расследовании преступлений подчеркивает тесную связь уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности и определяет необходимость теснейшего между ними взаимодействия. Сочетание возможностей уголовно-процессуальной деятельности с оперативными результатами и возможностями в наибольшей степени способствует всестороннему установлению обстоятельств совершенного преступления.

Правовую основу организации взаимодействия служб и подразделений территориальных органов МВД России при раскрытии и расследовании преступлений составляют акты, часть которых относится к законам, а часть – к подзаконным актам. Эти нормативные акты можно подразделить на три уровня. К первому из них относится Конституция Российской Федерации. Ко – второму - федеральные законы, и прежде всего, Уголовно-процессуальный кодекс РФ - нормативный правовой документ, регулирующий взаимодействие служб и подразделений территориальных органов МВД России. К третьему уровню нормативного регулирования организации взаимодействия служб и подразделений территориальных органов МВД России относятся ведомственные нормативные документы.

В тоже время, не все аспекты организации взаимодействия получили надлежащее освещение в уголовно-процессуальном законодательстве, ведомственных и иных нормативных актах. Следователи испытывают определенные трудности в осуществлении взаимодействия с сотрудниками оперативных и экспертно-криминалистических подразделений. От органа дознания для достижения ощутимых результатов в борьбе с преступностью, требуется более эффективная работа по выявлению преступлений, а это предполагает и более высокий уровень взаимодействия с органом предварительного следствия.

Взаимодействие следственных, оперативных и криминалистических подразделений является главным и необходимым фактором, обеспечивающим эффективность раскрытия и расследование преступлений. Эти подразделения наделены различными компетенциями и юрисдикцией, у них различные методы и средства, техническое обеспечение в решении правоохранительных задач. Однако они решают одну общую задачу – борьба с преступностью.

Современные условия требуют разработки новых подходов к рассмотрению понятия взаимодействия следователей с органом дознания, принципов его осуществления, рекомендаций, способствующих повышению эффективности взаимодействия. Следует отметить, что существующие формы взаимодействия следователя, оперативного работника и эксперта-криминалиста (специалиста-криминалиста) так же нуждаются в совершенствовании.

Складывающаяся ситуация требует незамедлительной корректировки подходов к вопросам организации взаимодействия при расследовании всех видов преступлений и практики взаимодействия следственных органов с оперативными и экспертно-криминалистическими подразделениями при решении задач раскрытия и расследования преступлений, в том числе прошлых лет.

Взаимодействие на современном этапе приобретает значение одной из основополагающих идей организации борьбы с преступностью и по существу становится важнейшим элементом организации и управления в этой сфере. Это находит отражение в структуре правоохранительных органов, должностных

обязанностях их сотрудников, в своеобразии их функций и методов деятельности, закрепляется в нормах права. Однако, хотелось бы отметить, в организации раскрытия преступлений низка роль руководителей территориальных органов МВД РФ, которые редко выезжают на место происшествия, либо, выезжая не оказывают там положительного влияния на работу группы [1, с. 33].

В настоящее время в целях совершенствования оперативно-служебной деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, концентрации усилий личного состава на достижение конечных результатов при выполнении возложенных задач и реализации функций, принят приказ МВД РФ от 31 декабря 2013 № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов министерства внутренних дел российской федерации».

Целью данного приказа является определение эффективности деятельности территориальных органов МВД России по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечению общественной безопасности и выработка управленческих решений в отношении конкретного территориального органа МВД России с учетом условий его функционирования [3].

Эффективность взаимодействия служб и подразделений территориальных органов МВД России в большей степени зависит от качества руководства и контроля, осуществляемого со стороны начальника территориального органа МВД. С целью устранения имеющихся недостатков и улучшения взаимодействия в территориальных органах МВД России, по нашему мнению, начальнику территориального органа необходимо для повышения качества и эффективности производства осмотров мест происшествий принимать меры к укомплектованию следственно-оперативных групп техникой и расходными материалами, устанавливать действенный контроль за привлечением специалистов ЭКЦ к производству первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Это будет способствовать при осуществлении осмотров мест происшествий изъятию полного комплекса следовой информации. Как следует из практики именно от первичной информации, полученной в ходе осмотра места происшествия, можно судить о дальнейшей перспективе расследования. Ошибки, допущенные в ходе осмотра, исправить в дальнейшем практически не возможно, что в большей степени и приводит к увеличению числа нераскрытых преступлений.

Необходим контроль со стороны начальника территориального органа МВД за организацией ежедневного анализа оперативной информации по аналогичным происшествиям, произошедшим как на обслуживаемой территории, так и на сопредельной. Это позволит своевременно отработать лиц, задерживаемых по подозрению в совершении похожих преступлений, в том числе и фигурантов по возбужденным уголовным делам. Требуется контроль за своевременностью направления следов и других вещественных доказательств, изъятых в ходе осмотров мест происшествий, а также изымаемых предметов, инструментов, оружия на исследование и проверку по экспертно - криминалистическим учетам на предмет их причастности к совершенным и нераскрытым преступлениям.

Хотелось бы обратить особое внимание на необходимость совершенствования такой формы взаимодействия как обмен информацией между органами предварительного расследования, оперативными и экспертно-криминалистическими подразделениями. Деятельность следователя и органа дознания будет согласованной в том случае, если между ними будет происходить постоянный

обмен информацией. Оперативный работник должен предоставлять следователю оперативно-розыскную информацию по совместно расследуемому уголовному делу. В тоже время следователь должен информировать оперативного работника о тех сведениях, которые были им получены в ходе расследования уголовного дела. Однако на практике не всегда данная форма взаимодействия осуществляется именно таким образом и как результат – не осведомленность оперативного сотрудника о наличии той или иной информации, имеющейся по уголовному делу у следователя, а также не предоставление полученных оперативным путем сведений с его стороны следователю. Причины такого «взаимодействия» могут быть различны: и загруженность сотрудников подразделений, и внештатная ситуация, и внеплановые мероприятия, но негативный результат уже очевиден. Такая разобщенность при работе по одному и тому же делу может, а порой и приводит, к дублированию, волоките и другим негативным последствиям. При правильной организации взаимодействия, оно будет способствовать ведению одновременной, параллельной работы, в результате чего осуществиться постоянный взаимный обмен информацией между следователями и оперативными работниками [2, с. 68].

Обмен информацией, осуществляемый непосредственно при начальнике территориального органа МВД, способствует повышению эффективности взаимодействия между службами и подразделениями при раскрытии и расследовании преступлений, если, конечно, не будет при этом формального отношения к проведению такого мероприятия.

Как видим, эффективность взаимодействия следователя и органа дознания в большей степени зависит от контроля, осуществляемого руководителем органа внутренних дел, начальником следственного отдела, начальником уголовного розыска. Ведомственный контроль за законностью взаимодействия, способствует поддержанию его на должном уровне, позволяет анализировать его состояние, выявлять положительные и отрицательные тенденции. Все это содействует обеспечению четкой организации совместных, согласованных действий различных ведомств и подразделений, исключающей возможность противодействия между ними.

Важно также отметить, что руководители и сотрудники правоохранительных органов должны хорошо знать возможности всех форм взаимодействия, комплексно применять их, не допускать межведомственных разногласий.

Список использованной литературы:

1. Попова О.А. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки: предупреждение, выявление и исправление следователем: учеб. Пособие / О.А. Попова – Волгоград: ВА МВД России, - С. 88.
2. Скогорева Т.Ф. Следственно-оперативная группа как одна из организационных форм повышения качества следственной и оперативной работы при раскрытии и расследовании преступлений / Вопросы современной юриспруденции: материалы XXVIII международной заочной научно-практической конференции. (28 августа 2013 г.) – Новосибирск: Изд. «СИБАК», 2013. – 122 с.
3. Вопросы оценки деятельности территориальных органов министерства внутренних дел российской федерации: Приказ МВД РФ от 31 декабря 2013 № 1040. [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL.: <http://docs.cntd.ru/>. (Дата обращения 25.01.2015).

© Т.Ф. Скогорева, 2015

НАЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Актуальность рассматриваемой темы не ставится под сомнение в виду того, что в ходе реализации своей основной функции-осуществления предварительного следствия, следователям приходится сталкиваться со многими нюансами и трудностями, на преодоление которых необходимо затратить достаточно много сил и драгоценного для следователя рабочего времени, что бы либо верно трактовать действующее законодательство, не допуская нарушений, либо найти выходы и решения по тем вопросам, которые законодательно нигде не имеют отражения.

Подразумевается, что изменения в законодательстве, в частности УПК РФ, вносятся с целью упрощения толкования закона, уточнения, расширения полномочий, прав процессуальных лиц и т.д., однако почти всегда мы сталкиваемся с обратным эффектом. Достаточно часто после внесения изменений, связанных именно с предоставлением «новых» прав и обязанностей правоприменители, напротив, сталкиваются с дополнительными трудностями.

Особенно подробнее считаю необходимым рассмотреть относительно недавнее изменение в УПК РФ, дающее право назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела. Данное право было предоставлено нам 4 марта 2013 г. Федеральным законом N 23-ФЗ. [1] Точнее, данное право нам было возвращено, так как ранее, в 2001 году УПК РФ уже предусматривало такую возможность. Однако, при буквальной трактовке законодательства того периода, на стадии до возбуждения уголовного дела можно было только назначить экспертизу, но ее проведение начиналось только лишь после принятия решения о наличии признаков состава преступления и возбуждении уголовного дела. [2] Сначала хотелось бы выделить положительные аспекты возвращенного права с учетом действующего законодательства и правоприменительной практики по некоторым направлениям: во-первых- экономим время срока предварительного следствия, данное преимущество играет главенствующую, по-нашему мнению, роль, так как несмотря на данные законодателем два месяца, необоснованное увеличение срока предварительного следствия является прямым нарушением законодательства;

во-вторых- минуем нарушения ведомственных нормативно-правовых актов, касающихся сроков назначения экспертиз по уголовным делам; в-третьих- избавляем сотрудников экспертных подразделений, от повторных исследований одних и тех же объектов при проведении исследования и впоследствии в ходе производства экспертизы; в-четвертых- не утрачиваем представленные на исследование объекты в полном объеме. Исследование тех объектов, при изучении которых требуется полное уничтожение, будет отражено в заключении эксперта, являющемся доказательством по уголовному делу, и количество которых может влиять на квалификацию преступления, а иногда даже на наличие состава преступления (наркотики, боеприпасы и т.д.); [3] в-пятых- немедленное назначение экспертиз позволит своевременно установить обстоятельства исследуемого события, которые могут быть утрачены или искажены в случае промедления; [4] в-шестых- избегаем ранее применяемых в практике «обходных путей», тех действий, с

помощью которых в материале находили своё отражение важные обстоятельства, с использованием тех права предоставленных законодателем на тот момент.

На наш взгляд, это самые основные положительные аспекты, о которых можно говорить после получения исследуемого права. Как видно, положительные стороны сформулированы четко и достаточно кратко, из них не возникает дополнительных вопросов. Однако, как только речь заходит о проблемных аспектах предоставленного права, то тут, уже один за одним, словно звенья одной большой цепи, выявляются не разъясненные, непонятные правоприменительно, не имеющие законодательного закрепления и являющиеся дискуссионными, моменты.

С нашей точки зрения, самой спорной и проблемной стороной в этом предоставленном праве является отсутствие процессуального статуса у заинтересованных в производстве экспертизы лиц. Если при наличии статуса законодатель наделяет лицо неотъемлемыми правами на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы и в том числе и на присутствие при ее производстве, то лицо, не обретшее такого статуса, через решение следователя, но заинтересованное в производстве экспертизы, такими правами не наделяется. При таких обстоятельствах, в случае, когда следователь принимает решение о необходимости назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела, то кого знакомить с постановлением о ее назначении? Кому разъяснять право на присутствие при ее производстве? Заявителя и всех лиц, опрошенных в ходе проверки? В законе это своего отражения не находит, но неоднократно упоминаются понятия «заявитель и лицо...чьи интересы могут затрагиваться...» [5], но это никак не облачает их в оболочку процессуального статуса. Законодатель нашел решение как прописать в законе лиц, однако ничего не отразил о том какими правами и обязанностями наделяет таких лиц.

На основе опроса следователей из различных регионов и руководителей следственных подразделений, автор выделяет несколько путей решения данной проблемы, с учетом сложенных мнений коллективов следователей, которые уже на сегодняшний момент выработали правоприменительную практику по данной поводу: 1. следователи знакомят с постановлением о назначении экспертизы всех лиц, субъективно предопределяя их возможный статус в случае возбуждения уголовного дела, используя рекомендуемый бланк протокола ознакомления с постановлением о назначении экспертизы, в котором записывают лишь анкетные данные лица, которого ознакомили, минуя формулировку его статуса; 2. на стадии до возбуждения уголовного дела не знакомят с постановлением о назначении экспертизы, а как только принимается решение о возбуждении уголовного дела и лицам путем вынесения постановлений присваивается процессуальный статус, то незамедлительно реализуют их вышеуказанное право. Если у потерпевшего или подозреваемого с защитником есть дополнительные вопросы, либо возражения по назначению экспертизы, то впоследствии ими назначается повторная или дополнительная экспертиза. Это право предоставлено в тех же изменениях, в п.1.2 ч.1 ст.144 УПК РФ и тут уже следователь не вправе им отказать ни при каких обстоятельствах; 3. следователи вообще не назначают экспертизы до возбуждения уголовного дела, то есть попросту не пользуются таким правом. В законе прописано, что это не обязанность, а данное лицу, проводящему проверку, право. В связи с этим следователь старается не использовать это право, возможно временно, пока еще не выработан четкий, законодательно закрепленный, алгоритм пользования этой возможностью, с целью избегания нарушений законодательства и порождения жалоб на действия следователей.

Во всех выделенных направлениях есть свои противоречия и отрицательные стороны. При первом варианте есть вероятность того, что следователь может неверно определить «заинтересованное лицо», то есть просто при не выясненных в полном объеме

обстоятельствах происшедшего, упустить фигуранта, который после возбуждения уголовного дела обретет конкретный процессуальный статус. При втором варианте не воплощается в жизнь одна из основных целей законодателя, закрепленная этим правом – это повторность проведения экспертиз по одним и тем же объектам, а так же нарушаются законные интересы участников уголовного дела, когда несвоевременное ознакомление с постановлениями о назначении экспертиз не дает возможности использовать их право с разрешения следователя присутствовать при проведении экспертизы. По третьему варианту можно высказаться о том, что правоприменитель, не используя нововведений признанных облегчить их труд, не движется вперед, не находит новые пути реализации своих полномочий и попросту боится использовать свою процессуальную самостоятельность в принятии решений, что бы избежать персональной ответственности, если вдруг его действия будут обжалованы и признаны нарушившими действующее законодательство.

В продолжение темы об отсутствии процессуального статуса у лиц до возбуждения уголовного дела: потерпевшему, подозреваемому и др., должны быть разъяснены права, связанные с назначением и производством экспертизы [6], в том числе и право на отвод эксперта. Лицо, проводящее проверку в стадии до возбуждения уголовного дела, принимая информацию о заявителе, проводя проверку и отбирая объяснения, образцы для сравнительного исследования и др., уже имеет представление об участниках, проходящих по материалам и которые могут быть заинтересованы в проведении экспертизы. Однако, фактически, по тому же основанию, что у них не имеется процессуального статуса, то на следователе (лице, проводящем проверку), не лежит такой обязанности и дальнейшей ответственности, как по разъяснению вышеуказанных прав, так и по их реализации.

Изначально, следователь (лицо, проводящее проверку) без всех установленных обстоятельств не может предвидеть развитие дальнейших событий, в том числе и касающихся вопроса возможного желания заинтересованных лиц по проверочному материалу в дальнейшей реализации своих прав, касающихся назначения и проведения экспертиз, после обретения процессуального статуса. После обретения статуса следователь уже обязан соблюдать права и законные интересы, а так же несет ответственность за их несоблюдение, несмотря на то, что в дальнейшем по ходу следствия может быть установлено, что возможные отводы или ходатайства могли существенно повлиять на проведение экспертизы и на ее результаты. Тем самым ценность заключения эксперта в качестве доказательства по уголовному делу может быть в итоге утрачена частично либо вовсе обнаружатся обстоятельства, позволяющие признать заключение недопустимым доказательством по уголовному делу.

Согласимся, что определять и закреплять в законе такого рода процессуальные статусы необходимости нет, так как в итоге сильно расширится процессуальный круг лиц, может возникнуть путаница, а так же уголовно-процессуальный кодекс со временем станет очень объемным, однако прослеживается необходимость либо уточнения действий по отношению к заинтересованным лицам, либо возможность проведения аналогии с кем-то из процессуальных статусов. Считаем, что такие уточнения и(или) аналогии необходимы для наиболее правильного алгоритма действий лиц, сталкивающихся в ходе проведения проверок с такими ситуациями.

Список использованной литературы:

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 04.03.2013 N 23-ФЗ. СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 12.01.2015).

2. Грачев С.А. Реально ли в настоящее время производство экспертизы до возбуждения уголовного дела? // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 10 - 13.

3. Сучков А.В. К вопросу о необходимости назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Эксперт-криминалист. 2012. № 3. С. 8 - 11.

4. Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. // Закон. 2013. № 8. С. 100 - 108.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.12.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2015) [Электронный ресурс]: СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 12.01.2015).

© С.С. Черменёва, 2015

УДК 343

Г.И. Швединская, к.ю.н.

Доцент кафедры Гуманитарных дисциплин, филиал
ФГБОУ ВПО «КубГУ» г. Новороссийск, Российская Федерация

А.Н. Качур, к.ю.н.

Доцент кафедры Гуманитарных дисциплин, филиал
ФГБОУ ВПО «КубГУ» г. Новороссийск, Российская Федерация

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ: ИСТОРИКО – ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

Уголовная ответственность несовершеннолетних, являясь разновидностью юридической ответственности, возникает в связи с совершением несовершеннолетним лицом преступления, и представляет собой определенную обязанность этого несовершеннолетнего лица, отвечать за совершенное деяние и наступившие последствия в соответствии с уголовным законом. Так, еще Таганцев Н.С. в XIX в. говорил, что «деяние, чтобы быть преступным, в смысле уголовно наказуемого, должно быть воспрещено законом под страхом наказания, причем этот страх не есть что-либо отвлеченное, не есть фантом, только пугающий того, кто посягает на нормы права, а реально им ощущаемое последствие такого посягательства есть действительное наказание как проявление того особого юридического отношения, которое возникает между карательной властью и ослушником велений авторитетной воли законодателя» [1, с. 7].

Вместе с этим важно отразить тот факт, что «преступное деяние влечет за собою ответственность его виновника. Но кто же тот властный, уполномоченный повергнуть преступника лишениям или страданиям? Есть ли это только фактическое отношение властного к подчиненному, или ему присущ правовой характер? На чем основывается право карать нарушителей? Когда можно пользоваться этим правом? Чего желают достигнуть, наказывая?» [1, с.11]

Таковы основные вопросы, которые волновали и до сих пор волнуют исследователей проблем привлечения к уголовной ответственности и наказанию несовершеннолетних. Тем более что многие авторы учебников и учебных пособий по уголовному праву в большей степени рассматривают особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних в единстве, что в целом соответствует современному названию главы 14 раздела V в действующем Уголовном кодексе РФ [2, с. 97].

Юридическим основанием уголовной ответственности несовершеннолетнего выступает состав преступления, который является правовой формой и представляет собой его законодательное описание. И уголовная ответственность несовершеннолетнего это следствие от совершенного им преступления и наступает она за совершение этого преступления. Вот здесь и необходимо определить – есть ли между фактическим и юридическим основанием пробел, промежуток, вакуум, который и требует этих самых особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних. Потому что когда мы начинаем уже осмысливать особенности в составе преступления (субъекта, субъективной и объективной сторон), то приходим к неизбежности вынесения наказания, за исключением выше указанных положений, установленных уголовным законом для несовершеннолетних. Поэтому, безусловно, правильное установление состава преступления имеет большое значение для уголовной ответственности несовершеннолетних.

Ввиду различных особых потребностей несовершеннолетних, а также многообразия имеющихся мер следует предусмотреть соответствующий объем дискреционных полномочий на всех этапах судебного разбирательства и на различных уровнях отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, в том числе при расследовании, рассмотрении дела в суде, вынесении судебного решения и осуществлении контроля за выполнением судебных решений. Вместе с тем следует прилагать усилия для обеспечения соответствующей отчетности на всех этапах и уровнях при осуществлении любых дискреционных правомочий. Лица, использующие дискреционные полномочия, должны обладать соответствующей квалификацией или подготовкой для их благоразумного применения в соответствии со своими функциями и полномочиями.

Однако история развития отечественного уголовного законодательства знает примеры различного привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних, когда в развитии российского уголовного законодательства уголовная репрессия использовалась в качестве одного из инструментов в борьбе с преступностью, но для несовершеннолетних наравне с карательными мерами воздействия, в решении указанной проблемы, прибегали и к предупредительным мерам, содержание которых главным образом составляли элементы убеждения и воспитания. Считаю целесообразным поэтому проследить основные этапы (периоды) эволюции российского уголовного права, в частности, тех его норм, которые тем или иным образом отражали особенности уголовной ответственности несовершеннолетних.

В самом общем виде периодизацию можем разделить на следующие этапы, имеющие определенную социально-политическую основу: до и после 1917 года. Но в первую очередь есть смысл отразить обращение с несовершеннолетними правонарушителями в уголовном законодательстве России до 1917 года и особенно ее установление в проекте уголовного уложения Российской империи 1813 года – первой попытке в истории России кодифицировать нормы уголовного права.

Возраст наступления уголовной ответственности не был прямо указан и в Соборном уложении 1649 года. Однако в принятых к нему дополнениях (новоуказанных статьях) в 1669 году уже указывалось на возраст 7-ми лет при определении ответственности за убийство [3, с. 363]. В связи с этим сложилось мнение некоторых авторов, что именно с этого правового акта свое начало получил процесс формирования механизма уголовно-правового регулирования с учетом возраста субъекта преступления.

В 1765 году, введенные в действие Правила о наказаниях малолетних, дифференцированно решали вопрос о привлечении к уголовной ответственности - так, лица в возрасте до 10 лет не привлекались к уголовной ответственности, а отдавались родителям или помещику; лица в возрасте от 10 до 15 лет - подлежали битью на местах розгами, а 15-

17 летние - плетьюми. В последствии Свод законов 1832 года не внес каких-либо существенных изменений в регламентацию уголовной ответственности несовершеннолетних, закрепленную в Правилах 1765 года. Так, статья 126 т. XV Свода законов устанавливала положение об уменьшении вины и наказания в случае совершения преступления малолетним [3, с. 386].

Так, в соответствии со ст. 100 Уложения, детям, не достигшим 7-ми лет от роду «в силу отсутствия у них достаточного понятия, деяние не может быть вменено в вину: они отдаются родителям, опекунам или родственникам для вразумения и наставления» [3, с. 386]. Далее, дети в возрасте от 7 до 10 лет от роду не подлежали уголовной ответственности. Обусловлено это было тем, что в этом возрасте лицо «не имеет надлежащего о своих обязанностях разумения», и в отношении данных лиц применялись такие меры, как «передача родителям или другим благонадежным родственникам для строго за ними присмотра, исправления и наставления, между прочим и через духовника их или другого священнослужителя» [3, с. 318].

Критерий «разумения» позволял распространить данное правило и на лиц следующей возрастной категории: от 10 до 14 лет. Наказания, применяемые к ним, имели существенные смягчения в различных степенях (статья 144 Уложения). Если малолетний в возрасте от 10 до 14 лет действовал без разумения, то к нему применялись те же правила, как и к малолетним от 7 до 10 лет, то есть они подлежали домашнему исправлению.

Следующей возрастной группой можно рассматривать несовершеннолетних в возрасте более 14 лет, но менее 21 года. Ответственность данных лиц была более высокой по сравнению с младшей возрастной группой, но все же не являлась полной, применяемой к совершеннолетним преступникам. Таким образом, можно утверждать, что только лица с возрастом более 21 года рассматривались как не требующие специальных послаблений и ограничений в вопросах привлечения к уголовной ответственности и наказанию [4, с. 155].

Рассматриваемое Уложение с изменениями и дополнениями, вносимыми в 1857г., 1866г. и 1885 году, просуществовало до 1903 года и была принята его новая редакция (Уголовное уложение от 22 марта 1903 года), но это не внесло каких-либо существенных изменений в исследуемую проблематику. Так, статья 10 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» от 20 ноября 1864 года [1. С. 22], а также статьи 40-41, 55 Уголовного уложения 1903 года - малолетних в возрасте до 10 лет не признавали субъектами преступления, и они, безусловно, освобождались от наказания.

Далее, в соответствие со статьей 11 Устава, несовершеннолетнего от 10 до 14 лет, мировой судья при привлечении его к уголовной ответственности мог не подвергать наказанию, а отослать к родителям, опекунам или родственникам для домашнего исправления. При этом не требовалось установления факта, совершено ли правонарушение «с разумием», как того требовалось в статье 150 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Такая позиция законодателя была во многом обусловлена накопившимся опытом и сравнительно-правовыми исследованиями зарубежных источников уголовного права, которые проводились в специальной литературе начала второй половины XIX века [5, с. 122].

В последствии к числу прогрессивных изменений можно отнести положение, которое было закреплено в статье 6 Устава, а именно, о необходимости перевоспитывать несовершеннолетних правонарушителей (от 10 до 17 лет) в специально созданных для этого условиях - исправительных приютах взамен тюремного заключения. Согласно части 2 статьи 41 Уложения лица в возрасте от 10 до 17 лет, не понимающие значения своих действий и не руководящих ими, освобождались от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Таким образом, отметим, что в монархической России законы закрепляли нормы, предусматривающие ограничение объема карательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей; и предусматривали возможность замены, как уголовной ответственности, так и наказания не карательными воспитательными мерами.

Список используемой литературы:

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Общая часть. Лекции. Т.2. 2001. С. 7-24.
2. Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Р.Р. Галиакбарова. -Краснодар, 2005. С. 211
3. Российское законодательство X-XX веков в 9 томах. -М., 1986. Т. 4. С.363, 386, 318.
4. Швединская Г.И. Возраст как категория уголовно-правового реагирования на безопасность несовершеннолетних. // Сборник региональной научно-практической конференция «Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на Северном Кавказе» / НвФ КрУ МВД России -Краснодар, 2007. С. 155.
5. Спасович В. Учебник уголовного права: Том I. -Санкт-Петербург, 1863. С.122.
© Г.И.Швединская, А.Н.Качур, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

О.И. Биткина, Р.Р. Ибрагимов ДВИЖИМОЕ И НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ	3
Ю.В. Жукова СИСТЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЗАКАЗА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	5
Е.В. Зайцева О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	7
П.Н. Кобец О ГЕНЕЗИСЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА	10
А.О.Ковалева МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ИНФРАСТРУКТУРОЙ И ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	13
Э.В. Краснов ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ	16
М.В. Кривенкова ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА АВТОНОМИИ ВОЛИ ВО ВНЕДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА	17
А.В. Лавришин О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ПО МЕЖОТРАСЛЕВОЙ АНАЛОГИИ К ТРУДОВЫМ ОТНОШЕНИЯМ	20
А.А. Лихолетов ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИГОРНОГО БИЗНЕСА	23
В.А. Максимов ОРГАН ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТ, ПУБЛИЧНО ОБЪЯВИВШИЙ НАГРАДУ ЗА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СВЕДЕНИЙ, ИМЕЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ ИЛИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ДЕЯНИЯ, РОЗЫСКА ЛИЦ, СКРЫВАЮЩИХСЯ ОТ СЛЕДСТВИЯ, ДОЗНАНИЯ, СУДА ИЛИ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШЕГО	26

Е.И. Москвитина ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	29
А. В. Нелюбина ПОНЯТИЕ «ПОТРЕБИТЕЛЬ» В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ	30
А.С. Опанасенко ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	33
А.Г. Патрикеев ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	37
О.А. Решняк ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРАВ, ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ И БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	40
Т.Ф. Скогорева ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ, С ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	42
С.С. Черменёва НАЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ	46
Г.И. Швединская, А.Н. Качур УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ: ИСТОРИКО – ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД	49

Научное издание

ПРОБЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции
31 января 2015 г.**

В авторской редакции

Подписано в печать 03.02.2015 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 3,25 Тираж 500 Заказ № 3

Издательство "Аэтерна"
450076, г. Уфа, ул. Гафури 27/2
e-mail: info@aeterna-ufa.ru
Тел.: + 7 (347) 266 60 68